Попаданка в деле, или Ваш любимый доктор

Автор:
Соня Марей

Попаданка в деле, или Ваш любимый доктор

Соня Марей

Врачи-попаданки #1Другие миры (АСТ)

Чем удивить опытного акушера-гинеколога? Разве что попаданием в другой мир. Тут всюду магия, зато раны подорожником лечат, а роды грязными руками принимают. К такому жизнь меня не готовила! Если домой вернуться не светит, буду обживаться здесь – больницу построю, учениц наберу, медицинскую революцию проверну. Русские женщины непобедимы! И всё бы ничего, но однажды на пороге появился муж девицы, чьё тело я заняла. Вот тут-то и началось самое интересное…

Соня Марей

Попаданка в деле, или Ваш любимый доктор

© Соня Марей, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава 1

Звонок ворвался в мой спящий мозг ураганом, варварски сметая сладкую дрёму. Эх, а я так мечтала выспаться после суточного, когда пришлось вести параллельно несколько сложных родов, а потом бежать на экстренное кесарево.

Не размыкая век, я пошарила рукой около себя, под подушкой, но, как назло, источник противного звона спрятался слишком надёжно. Наконец, спустя минуту моего бестолкового барахтанья в плену одеяла неуловимый смартфон был пойман.

– Слушаю!

– Елена Аркадьевна… – простонал мобильник. – Кажется, я рожаю…

Началось.

Я села на постели, давя зевок и протирая глаза.

– Кристиночка, что значит, тебе кажется? Интервал какой?

Судя по тому, что ответило молчание, длившееся примерно с полминуты, Кристина как раз сейчас переживала болезненную схватку.

– Минут пять… или десять…

– Воды подтекают?

– Нет… – ответила торопливо собеседница, а потом задержала дыхание и протянула виновато: – Ой… а теперь да.

– Хорошо, я скоро буду. Собирайся и езжай в приёмное. Ты на «скорой», или муж отвезёт?

Остатки сна развеялись, как дым. Включился режим акушера-гинеколога, который был готов поспешить на помощь, аки Чип с Дейлом.

– Муж. Пожалуйста, Елена Аркадьевна, скорее… Я боюсь!

– Не бойся, Сверчкова, сегодня родим!

Кристина – моя бывшая студентка. Я наблюдала её беременность с самого начала и велела звонить, как только начнутся регулярные схватки, но девочка оказалось мнительной, как все первородки. В итоге три раза приезжала в роддом с тренировочными схватками и баулами наперевес.

Отключившись, я бегло просмотрела новые сообщения в Ватсапе. Ничего нового – дурацкие мемы в чате врачей из нашего отделения, просьба сдать деньги на подарок заведующему, вопрос от студентов, когда можно прийти на отработку, и от пациентки – какого цвета должна быть пробка.

Надоело. Никакого разнообразия. В последние годы моя жизнь состоит из работы, дома и университета, где я взяла четверть ставки на кафедре акушерства и гинекологии. Даже кошку некогда завести, не то что мужа. Ой, да о чём я вообще! Как будто двух неудачных браков не хватило.

А всё-таки хочется какого-то движения в жизни. Как модно говорить, надо выйти из зоны комфорта.

Последний раз зевнув, я сползла с кровати, промахнувшись мимо тапок, и выглянула в окно. Погодка не радовала. Часы показывали полчетвёртого утра, а за окном трещали громы и сверкали молнии. Вот тебе и гроза в начале мая! Ничего романтичного не вижу, пока дойду до машины, начерпаю туфлями воды, упущу зонт и приеду в отделение, как мокрая курица.

Нет, правда, я такого ливня уже давно не припомню!

Сборы прошли впопыхах. Короткими перебежками я добралась от подъезда до машины, таки начерпав полные туфли воды и промокнув насквозь. Завела свою «шкоду» и, ожидая, пока моя крошка прогреется, стала наблюдать за клубящимися тучами и ветвистыми молниями, что раз за разом вспарывали небо.

От грома заложило уши.

Я не была мнительной особой, но суеверный страх против воли закрался в душу. Что ж, надо трогаться! А то Кристинка без меня там родит.

Я ехала по залитым водой улицам – ни одной машины, светофоры мигали тревожным оранжевым светом. Стеклоочистители едва справлялись с потоками дождя. Вот тебе, Елена Аркадьевна, и зона комфорта. Кушайте не обляпайтесь.

Чем ближе я подъезжала к роддому, в котором прошли лучшие годы моей молодости, тем темнее становилось. И темноту эту нарушали лишь ярко-голубые вспышки – молнии будто свились в клубок над шестиэтажным зданием. Это зрелище напоминало кадры из фантастического фильма, когда над городом разверзался портал, а из него сыпались пришельцы.

Ну и бред! Чего только не померещится от недосыпа.

Всё случилось очень быстро. Я даже не успела ничего понять и сказать «мамочки». Впереди зарокотало, засверкало, и прямо в мою машину понеслась извилистая молния. Мир начал тонуть в ослепительной бело-голубой вспышке, душу будто вытряхнуло из тела и куда-то понесло.

Прости, Кристина. Рожать тебе без меня…

* * *

То ли в черепной коробке звенело, потому что внутри неё игрушечная обезьянка стучала медными тарелками, то ли кто-то настойчиво пытался меня дозваться. Сначала это была вереница слов на непонятном языке, но постепенно я стала различать их.

– Нейра Эллен… нейра, очнитесь! Вы живы? – старческий голос дребезжал над ухом.

– А-а-а?.. – протянула я, пытаясь пошевелиться или хотя бы глаза открыть.

Если чувствую боль, значит, я жива?

– Меня послали вас встретить, в ваш экипаж попала молния, вы чуть не погибли, – тарахтел всё тот же старикан.

Почему он называет машину экипажем? Что за адепт средневековья? И… Эллен? Какая ещё Эллен? Какая нейра? Нет, он точно сумасшедший.

Может, я в реанимации? Отхожу после наркоза, вот и чудится всякая ерунда. А мой анестезиолог, видимо, хорошо принял на грудь. Это не он, часом?

Сделав над собой неимоверное усилие, я разлепила сначала один глаз, потом второй…

Вместо больничного потолка над головой синело небо, степенно плыли белоснежные облака, лёгкий ветерок обдувал лицо, принося запахи ромашки и одуванчика.

Заросшая кустистой бородой физиономия заслонила солнце. Два чёрных глаза смотрели с любопытством и настороженностью, не мигая. От запаха чеснока и ещё чего-то кислого защипало в носу, к тому же этот странный тип потянул пальцы прямо к моему лицу!

Не сдержав лавины самых разнообразных эмоций, я закричала во всё горло. От души так, что у самой аж барабанные перепонки завибрировали. Испугавшись, дед отпрянул и схватился за сердце.

– Не сердитесь, нейра! Клянусь, я не желал вам зла!

Скрипя одеревенелыми суставами и негромко покряхтывая, я села и огляделась. Вместо бетона вокруг, насколько хватало взгляда, зеленела трава с яркими вкраплениями цветов. Справа шелестящей стеной высился лес и вилась разбитая дорога. На дороге этой высилась какая-то обугленная куча, неподалёку стояла телега, запряжённая рыжей с белым пятном на лбу немолодой лошадкой. Уныло жуя траву, она гипнотизировала меня пристальным взором.

Ох, мамочки, где я? Что это за место?

И… что на мне надето? Почему я в длинной тёмно-синей юбке вместо брюк, что за странные доисторические туфли с латунными пряжками и огромными бантами?!

Я подняла взгляд и встретилась с выпученными глазами незнакомого дядьки. Он смотрел то на мои лодыжки, то на меня, то на лодыжки, то на меня. И тогда я догадалась покрыть ноги юбкой прямо до носков уродливых туфель. Мало ли, вдруг маньяк какой? Хотя в таком возрасте только и остаётся, что мемуары о бурной молодости писать.

Следующей странностью было то, что мужик этот был одет так, словно сбежал из театра. Старинный кафтан, шапка набекрень, рубашка с вышивкой выдавали в нём либо актёра, либо…

И тут внутри похолодело. Горло сдавило от нахлынувшей паники и полного непонимания происходящего.

Последним моим воспоминанием была поездка в роддом, но на перекрёстке в машину ударила молния, полыхнула яркая вспышка, и я отключилась. А что было дальше?

Я снова судорожно огляделась. Ни намёка на знакомый мегаполис, только глушь, лес да трели птичек. Или это в голове звенит?

Я что, уволилась, продала квартиру и уехала в глухую сибирскую деревушку, экопоселение или общину староверов поднимать медицину? А потом меня снова шарахнула молния, поэтому я ничего этого не помню.

Точно! А ещё здесь до сих пор пользуются гужевым транспортом, который гордо именуют «экипажем», и о современных авто даже не слышали. И воздух здесь такой чистый, не загазованный, сладкий даже.

– Кхе-кхе… нейра Эллен? Вы в порядке? – осторожно спросил мужичок. – Голова не болит? Помощь нужна?

Мне захотелось попросить вызвать психиатрическую бригаду, но вместо этого я спросила:

– А вы, простите, кто?

Показалось, что дед обрадовался.

– Меня Горном звать. В Левилле вас давно уже ждут, меня послали вас встретить и дорогу показать, а то эти ваши волшебные штучки-дрючки ненадёжны бывают, – он покосился в сторону обгоревших досок. – Еду я, значит, еду, а тут ка-а-ак тучи налетели, ударил ливень, от грома уши заложило, а молнии такие, что сроду не видал!

Горн рассказывал, активно жестикулируя. А я понимала, что ничего не понимаю.

– Переждал я дождь, спрятавшись под телегой. А он кончился так же внезапно, как и начался. Еду я, значит, еду и вижу – посреди дороги этот ваш магоход валяется, явно молнией подпаленный, вокруг вещи раскиданы, а вы в стороне от дороги. Я сразу понял, что это вы, нейра Эллен.

Так, стоп. Что за поток шизофренического бреда я сейчас выслушала? И всё же…

Я не находила слов, чтобы описать свои ощущения. Может, коллеги решили подшутить надо мной, а в кустах прячется скрытая камера? Для верности даже головой по сторонам покрутила.

– Говорят, век такой странной грозы не видели. Согласны, нейра? – спросил мужичок, отряхиваясь и глядя на меня.

– Ага.

– Средь бела дня налетела туча, поднялась буря. Так же было дело?

– Ага.

– Колдовство тёмное это было, нейра, – произнёс он серьёзным тоном, как будто сам верил в то, что говорил.

– Ага… А у вас телефончика не найдётся? Позвонить надо, – сказала я, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уравновешенно.

Горн уставился так, будто привидение увидел.

– Нейра, я в ваших магических штучках не сведущ. Никакого теле-фончика не знаю. Я человек тёмный, это вы магичка из столицы, умная и образованная, раз на лекарскую практику к нам направляетесь. У нас, знаете ли, никто надолго не задерживался.

Он говорил ещё что-то, но я уже не слышала. В голове стучали слова: магичка… чародейка… магия… лечить… Это меня надо лечить. Это я тронулась умом.

Или всё-таки… нет-нет-нет! Я же не сумасшедшая! Попадают в другой мир или в прошлое только в книгах.

Вспомнился адский пейзаж, ливень и жуткие молнии, что ветвились и рвали небо на части. Вспомнилось странное предчувствие, суеверный страх…

Волоски на руках встали дыбом, внутри похолодело.

А что, если меня закинуло в другой мир?!

Эта мысль показалась самой абсурдной и в то же время самой вероятной.

Иногда я читала книги в перерывах или перед сном. Любила фэнтези всех мастей, особенно про попаданок. Было интересно читать, как в чужих мирах адаптируются наши современницы. Это были женщины вроде меня, которые сразу сворачивали всех в бараний рог и поднимали с колен магические таверны и лавки. Или избранные, которым предрекали спасение мира, или серые мышки, за которых сразу начинали бороться принцы, драконодемоны и ректоры магических академий.

Подобное чтение было забавным, расслабляло мозг и отвлекало от рутины. Я знала, мне-то чудеса не светят, так хоть в книжках о них почитаю.

Что, если дома я умерла? Меня убило молнией и каким-то немыслимым образом забросило в другой мир? Догадку подтвердил взгляд на собственные руки – ладони узкие и маленькие, пальцы длинные, без маникюра. Чужие руки.

Я медленно опустила взгляд вниз, в вырез белой, точнее, грязно-серой блузочки. Грудь маленькая, тоже не моя.

Всё это тело не моё. Не моё, чёрт возьми!

От шока я не могла связно мыслить. Страх спеленал по рукам и ногам, тошнота подкатила к горлу. Оставалось надеяться, что всё это лишь сон, но ощущения были слишком реальными.

А если меня забросило в фэнтези, то что это за мир? Лишь бы не Средиземье с орками и не Ведьмак с монстрами. Я со спортом на вы, бегать быстро не умею, если что, меня сожрут первой.

– Нейра Эллен, – Горн улыбнулся так, как взрослые улыбаются маленьким детям. – Сами встанете? Это просто чудо, что вы выжили. Если бы простого человека молнией шарахнуло, он бы точно к праотцам отправился. А вас магия, видать, сберегла. Вот так… тихонько вставайте… а то шатаетесь… и бледная какая-то… не тошнит? Ну, ничего, как будем на месте, вас покормят. Моя жена такие пирожки печёт – пальчики оближешь!

Кое-как я добрела до повозки, утопая каблуками древних туфель в грязи. Только сейчас я заметила, что волосы и одежда были мокрыми. Да уж, неплохо меня поваляло. Или не меня, а эту… нейру Эллен. Кажется, это у них обращение наподобие мисс или мадам.

Мамочки, где же я согрешила?! Захотелось расплакаться от жалости к себе, но я лишь стиснула зубы. Опомнись, Елена Аркадьевна! Ты – акушер-гинеколог со стажем, чего только не видала, тебя ничем не напугать.

Другой мир? Тьфу, пустяки! Надо скорее брать булки в руки, а уныние и страх гнать поганым веником. Ты ведь пережила кафедру неврологии в универе? Пережила заведующего отделением, который к тебе шарики катил и из-за отказа чуть карьеру не испортил? Пережила самые тяжёлые клинические случаи и неудачи? А уход придурка Владика? Во-от!

Мозг сразу включил защитную реакцию, и я была ему за это благодарна. Кое-как вскарабкалась и уселась в телегу, накрывшись любезно предоставленным пледом. Правда, таким же мокрым, как и я. Горн закинул ко мне уцелевший

чемодан, и мы двинулись по дороге в сторону загадочного Левилля. Это явно не Россия, хотя язык я понимаю. Получается, заняв чужое тело, я частично получила чужую память. Что ж, проверю эту теорию по ходу дела, хотя во мне ещё не умерла надежда, что всё это дурной сон.

Итак, что я имею на данный момент? В мою машину ударила явно непростая молния, потому что салон автомобиля выполнен из материалов, которые не проводят электрический ток. Согласно законам физики, я не должна была пострадать, но сейчас я бог знает где, тупо глазею по сторонам, трясясь в доисторической повозке. А Горн, которого я сначала приняла за маньяка, катит меня в неизвестность…

Уж попала, так попала! – захотелось воскликнуть в сердцах. И парочку выражений покрепче добавить.

Если нейра Эллен (кстати, а что с ней стало?) и вправду магичка, то от меня будут ждать чудес. Ёлки-палки, да я никаких заклинаний кроме сим-салабим и алохоморры не знаю! Хотя нет, ещё Аваду Кедавру. Да-да, я смотрела Гарри Поттера. И даже читала. Просто стало любопытно, чем эта серия покорила миллионы людей по всему миру. Но вряд ли мне помогут знания, почерпнутые из земных книг.

Эх, долюшка моя суровая! И зачем только я пожелала перемен и выхода из зоны комфорта? Вот и вышла, Лена, мать твою за ногу. Уж лучше бы работала в своём родном роддоме и не ныла. А то скучно стало, видите ли.

– Нейра Эллен, вы что-то сказали? – Горн обернулся ко мне.

Кажется, я забылась и начала мыслить вслух. Так, главное не проколоться! А то, не дай бог, на костёр отправят. Насколько я помню, в книгах попаданцев особо не жаловали.

– Я спрашиваю, долго ли ехать? – поинтересовалась с глуповатой улыбкой и, как примерная ученица, сложила руки на коленях.

– Не, сейчас через мост, а там до Левилля рукой подать, – бодро сообщил Горн и хлестнул кобылку: – Но-о! Пошла, родимая! Веселе-ей!

Кобыла взбрыкнула и понеслась так, что пришлось вцепиться руками в лавку. При этом я старалась не прикусить язык и не остаться без копчика – так страшно трясло и подбрасывало на колдобинах! Подобные ощущения я испытывала лишь в кабине армейского «газика», когда ездила на экскурсию в горы. Одного туриста, кстати, выбросило наружу. Повезло, что бедолага ничего себе не сломал.

Вскоре старику надоело так гнать, и он снова позволил лошади плестись по разбитой дороге.

– Уважаемый, а расскажите побольше о Левилле. Мне просто любопытно, куда я направляюсь.

Не узнаю свой голос. Слишком высокий, звонкий, непривычный. Родной мне нравился больше. По крайней мере, я не звучала как школьница. Интересно, сколько моему новому телу лет?

Вопросов в голове роилось столько, что я не успевала их обдумать и удивлялась тому, как быстро смогла поверить… ладно, почти поверить, что угодила в другой мир. Так, глядишь, здесь и освоюсь.

Ха-ха. Совсем сбрендила, Елена Аркадьевна. Видели бы тебя твои студенты.

Интересно, а здесь драконы водятся?

– Ну-у… – протянул мой извозчик задумчиво. – Обычный пограничный городок. Ничем не примечательный. Даже не знаю, почему вас, магичку из столицы, аж сюда сослали.

Ага, сослали, значит. Миленько. И за какие такие заслуги?

– Рядом граница с Ничьими землями. Люди иногда пропадают… Но вы не бледнейте, нейра, нас солдаты защищают. А такие, как вы, целители, нужны, чтобы их, бедолажек, лечить. Зло затаилось в наших краях… – Горн покачал головой, а я ощутила, как между лопатками прокатилась капля холодного пота.

Попала. Точнее, встряла. И кому я, акушер-гинеколог, здесь нужна?

Когда мы переезжали реку по хлипкому мосту, я тихо молилась. Не может моя вторая жизнь закончиться так бесславно! Я плаваю так же плохо, как и бегаю. Но мне повезло – телега благополучно миновала опасный участок, а за мостом дорога пошла бодрее. Вон уже и крыши домов показались, и крепость какая-то.

– Почти доехали! – жизнерадостно произнёс Горн, повернувшись ко мне. – Проедем деревню, а за воротами и город. Вам домик выделили отдельный. Глядишь, обживётесь у нас, уезжать не захотите.

Обратно в свой безопасный мир я бы с радостью вернулась, но, боюсь, мне туда дорога закрыта. А если так, буду действовать по обстоятельствам и сильно не светиться. Может, удастся подняться в этом царстве антисанитарии. В том, что в этом мире слова «асептика» и «антисептика», а также «преднизолон» и «антибиотик» будут звучать как ругательства, я не сомневалась.

Мы покатили вдоль деревеньки – жители останавливались и провожали нас взглядами. Любопытно, что за фифа пожаловала? Я вот не отказалась бы узнать, сколько моему новому телу лет и как оно выглядит. А ещё как магичила его прежняя хозяйка.

Ох, влипла.

– Эй, Горн, ты, часом, не новую целительницу везёшь? – послышался женский голос, и я обернулась.

Спрашивала дородная баба в платке, будто бы сошедшая с картин великий русских художников – с румяными щеками-яблочками и грудью размером с чемодан.

– Её самую! Нейру Эллен, – кивнул в мою сторону и усмехнулся. – А что?

– Да беда у нас! – запричитала ещё одна селяночка помоложе.

Как она здесь оказалась, я заметить не успела. Вообще народ вокруг начал собираться быстро, людей как магнитом тянуло к моей скромной персоне.

– Ой, как хорошо! Вовремя приехала! – загомонили разом.

– Может, поможет чем…

– Что тут уже поделаешь, помрут оба! – вклинился какой-то противный мужичок и тут же заработал оплеуху.

– Да чтоб у тебя язык отсох, дурень!

Эта толпа напомнила мне полную аудиторию галдящих студентов. Не понимая, что происходит и начиная раздражаться, я крикнула:

– В чём дело, кто-нибудь может объяснить?!

На несколько секунд воцарилась тишина.

– Милли всё разродиться не может, – жалостливым голосом начала женщина, что обратилась к нам первой. – Дитя поперёк живота лежит и ни туда ни сюда. Мать её позвала врачевателя из крепости, решили резать и ребёнка доставать. Так хоть одного спасут, а ей всё равно помирать, бедняжке, – тётка всхлипнула и утёрлась краем платка.

За годы медицинской карьеры я каких только родов не принимала, даже в самолёте и поезде. Разве смогу остаться в стороне? Какой бы ни был мир, женщины везде одинаково рожают.

– Ведите! – подобрав длинную юбку, я слезла с телеги. – Постараюсь помочь, резать никого не надо.

Пока Орлова Елена Аркадьевна здесь, никому умирать не позволено. Поперечное положение плода – ещё не приговор.

– Тогда надо спешить!

И меня спешно повели вдоль улицы, на которой, как грибы, рассыпались низкие домики. Дворы заросли цветами, от запахов кружилась голова. Собаки заливисто лаяли, дорогу перебегали гуси, а подол моей юбки был забрызган грязью по колено – здесь тоже недавно прошёл ливень.

Я уверенно шагала вперёд, старалась не замечать удивлённых и настороженных взглядов, не слушать отвлекающих шепотков. И не думать о том, как вынырнуть из этой галлюцинации.

Впереди бежала тётка в платке, переваливаясь с одной ноги на другую, следом за нами растянулась гирлянда из селян. Наконец, меня подвели к дому почти в самом конце улицы. Дверь была открыта нараспашку, протяжные стоны я услышала ещё с порога.

– Тори! Эй, Тори, мамаша! Я целительницу привела! Скажи кхерургу, что резать не надо!

В дверь высунулась всклокоченная голова с покрасневшим опухшим лицом. Кто это? Мать роженицы? Свекровь?

Тори окинула меня пустым взглядом, а через пару секунд за её спиной возник суровый костлявый мужчина в чёрном. Он сразу напомнил мне ворона – глубоко посаженные глаза, нахмуренные брови, узкое бледное лицо с длинным крючковатым носом. Пальцы крепко сжимали ручку металлического чемоданчика, а высокие ботфорты, которыми он топтался в одной комнате с роженицей, естественно, были облеплены грязью.

В этот миг мои глаза загорелись, как у нашей санитарки Петровны, которая могла обложить матом даже заведующего, если он осмеливался проскользнуть в кабинет по только что вымытым полам.

– Нейт Ойзенберг, позволите войти? – суетилась тётенька, которую я уже успела окрестить «Русской красавицей». Она, в отличие от разбитой и раздавленной Тори, прекрасно ориентировалась и держала себя в руках.

– Вы кто ещё такие? – взгляд нейта Ойзенберга остановился на мне. Прошёлся вверх-вниз, оценивая.

– Мы передумали, дадим шанс нейре магичке. Она может спасти и мать, и малыша.

– Я намерен произвести операцию, и какие-то столичные недоучки мне не указ, – он брезгливо поджал губу. – Инструменты уже готовы, и, если вы продолжите меня отвлекать, я не смогу спасти дитя и облегчить предсмертные муки бедной женщины.

Как по заказу из глубины дома донёсся бессильный крик. Тут-то меня и прорвало.

– Ты бы хоть сапоги грязные снял, инфекцию ведь носишь! – я двинулась вперёд, грозно уткнув руки в бока, оттесняя и свою провожатую, и мамашу роженицы. – А ещё врачом назвался, да тебе только свиньям хвосты крутить! Резать собрался своими грязными ручищами, коновал!

Полное ошеломление на лице недоврача сменилось злобой:

– Ты!.. Соплячка!.. Да я… я… я тридцать лет здесь работаю! Ты кто вообще такая?..

– Я – опытный специалист!

– Не переживайте, нейт, давайте я вам помогу… – тётушка осторожно взяла его под локоть и потащила из дому.

Человек-ворон брезгливо стряхнул её руку.

– Вам всё равно придётся заплатить. Вы оторвали меня от важных дел! – взвизгнул истерично. – А она только убьёт ребёнка!

– Уйди с дороги! – рыкнула я, отпихивая его локтем и заглядывая внутрь.

На столе посреди комнаты лежала несчастная женщина с огромным животом, голова её моталась из стороны в сторону.

– Некоторых хлебом не корми, только дай кого-нибудь зарезать, – проворчала я себе под нос.

Врач-грач ещё что-то кричал и возмущался, но я уже никого не слушала. В роддоме все знали, что со мной связываться себе дороже. Строгой я была. Не склочной, конечно, ссориться не любила, но словесно приложить лицом об асфальт могла. Всегда говорила, что думаю, никогда не лицемерила и не улыбалась тем, кто мне не нравился.

– Быстро мне воды помыться! – и, видя, как расширяются глаза баб и как они переглядываются, прикрикнула ещё громче: – Быстро-быстро! Не видите, я чумазая как чёрт! И спирта побольше приготовьте, травяные настои, самогон… всё, что есть! Полы в комнате отдрайте, роженицу помойте и перестелите пелёнку! И обезболивающего…

Бабы засуетились.

– Мак есть, он хорошо дурманит и снимает боль, мы давали его Милли уже… А вы, нейра, сюда пожалуйте… в баньку…

Мы побежали в боковую пристройку, игравшую роль бани. Меньше чем через минуту я, скинув всю одежду, уже намывалась холодной водой. Тётенька в платке, которую звали Берти, поливала меня из ковшика.

Со скоростью света я намылилась коричневым бруском, похожим на хозяйственное мыло, прополоскала волосы, обтёрлась чистым отрезом ткани. Натянула льняную рубаху до пят, чулки, передник – меня клятвенно заверили, что всё это чистое. Волосы повязала косынкой. Мои надпочечники работали в бешеном режиме, впрыскивая в кровь адреналин.

Ну что, Елена Аркадьевна, в бой? День в новом мире начался с экстрима.

Роженица Милли уже даже не кричала. Обессиленная, она лежала на столе, глядя в потолок потухшими глазами, и глухо постанывала. Похоже, её напоили препаратом на основе мака, который обладал обезболивающим, снотворным и одурманивающим действием. Ну, хоть что-то.

– Слышишь меня, дорогая? Ни ты, ни малыш сегодня не умрёте, – я заглянула в бледное заплаканное лицо.

Стоило отдать должное расторопным женщинам – они сделали всё так, как я велела – пол сиял чистотой, на полке стояла батарея склянок и графинов, а также ведро с кипятком и чистые простыни.

– Воды отошли? Схватки чувствуешь?

Вместо Милли ответила её мать, Тори:

– Воды совсем чуть-чуть было… И хватает время от времени.

Я пропальпировала живот, чтобы убедиться в неправильном положении ребёнка – головка и таз находились в боковых отделах матки. Обработав руки до локтей жидкостью, чей запах очень сильно напоминал запах спирта, я приступила к делу.

Раскрытие было полным, но ни конечности ребёнка, ни пуповина, к счастью, не выпали. Больше всего я боялась, что ситуация запущена и дитя уже нельзя спасти. Сейчас каждая секунда на счету, при поперечном положении малыш сам не родится и погибнет в утробе, это гарантированная мучительная смерть для матери. Недаром сотни поколений женщин при отсутствии адекватной помощи умирали от родов.

Жаль, здесь нет условий для кесарева сечения.

В голове всплыли слова, которые часто повторяла старая преподавательница в институте, который я заканчивала:

При поперечном положении на ножку сделай поворот.

Внутренний поворот плода был очень рискованной манипуляцией, вмешательство грозило разрывом матки, отслойкой плаценты, болевым шоком, инвалидностью ребёнка и ещё кучей осложнений.

К тому же мы превращаем поперечное положение плода в ножное, а там тоже всё непросто.

И, чёрт возьми, я никогда не делала этот поворот! В современном мире не было необходимости, потому что существовало УЗИ, которое позволяло выявить неправильное положение до родов. И существовала операционная, перчатки, инструменты, стерильность. Мы, современные врачи, были разбалованы благами цивилизации.

Сейчас предстоит вернуться в прошлое.

По спине катился холодный пот, но разум оставался чистым, и я благодарила Бога за свою почти феноменальную память. Каждую деталь манипуляции я помнила так, будто только сегодня закрыла книгу и прослушала лекцию.

Работать следовало обеими руками: одна помогает снаружи, подталкивая попу малыша к выходу из матки, вторая изнутри ищет ножку.

Обе женщины держали Милли за плечи, но от боли и настойки та уже отключилась. Господи…

Я помогла сотням малышей прийти в этот мир, хоть и работала с акушеркой, но отлично знала и умела всё. Так пусть повезёт и сегодня!

Плод лежит спинкой к животу, в переднем виде – это хорошо… С ювелирной точностью отыскать и захватить нижнюю ножку – аккуратно, как драгоценность. Наружной рукой двигать голову вверх, а ножку низводить к выходу. В итоге получается неполное ножное предлежание, и это лучше, чем полное, так как будет проще родить самую крупную часть – головку.

Милли проснулась и закричала. Я не запомнила, что говорила, молила успокоиться и не дёргаться.

Всё должно закончиться хорошо. Иначе быть не может. Не должно.

И вот… Малыш лёг продольно. Поворот закончен! Самое сложное испытание в моей жизни.

Процесс пошёл быстрее, родилось тельце, а дальше пришлось бороться с новым осложнение – запрокидыванием ручек плода. В помощь – классическое пособие,

при котором акушер, бережно выводя ручки, помогает им родиться…

И я справилась.

А потом – положить тельце на предплечье, чтобы ребёнок оказался лицом к крестцовой впадине. Головку согнуть и фиксировать пальцами…

Тело Милли помогало само – она немного пришла в себя и собралась, несмотря на боль. Пошли потуги. Головка родилась, а в следующую секунду я держала на руках крохотную девочку.

Живую.

Положив её на живот матери и прикрыв чистой пелёнкой, едва не сползла на пол от адреналинового отката. Перед глазами плыло, тело мечтало грохнуться в обморок, но я волевым усилием заставила себя собраться. Помочь родиться плаценте, проверить её целостность и осмотреть роженицу на предмет травм.

К моему удивлению, их оказалось немного. Женщины оперативно принесли иглы и шёлковые нити, и, немного подержав их в растворе, я ушила разрывы. После проверила сократимость матки и стала пытать Тори на предмет наличия в доме хотя бы чего-то кровоостанавливающего.

Я изучала свойства растений, и, к счастью, у соседки обнаружилась высушенная кора калины. Велев сделать из неё отвар, я наказала давать его Милли.

Новорожденную успели обмыть и приложить к груди матери. Теперь они обе дремали после пережитого, а я думала о том, что хоть всё прошло удачно, но впереди ещё много испытаний. Послеродовые осложнения могут нагрянуть в самый неожиданный момент. Такие, как родильная горячка, или, по-современному, сепсис. И я просто не имею права бросить этих двоих на произвол судьбы. Не тот у меня характер.

Уже позже, почти не помня себя, я выползла на порог дома и рухнула на пятую точку. Стянула платок и глотнула свежего воздуха. В голове взрывались фейерверки и били литавры, руки дрожали.

Следом вышла мать роженицы:

– Нейра Эллен… – по её лицу покатились слёзы, а у меня в глазах предательски защипало. – Можно мы назовём девочку в вашу честь?

Глава 2

Хорошо, что меня догадались накормить. Местная еда была подозрительно похожа на борщ с пампушками, а я, оказывается, так проголодалась, что смела всё подчистую. Видя такой хороший аппетит у субтильной девицы, мне даже добавки положили, а с собой впихнули корзинку с пирожками.

На улице разлилась вечерняя прохлада, когда я последний раз осмотрела роженицу и малышку и снова уселась в свою комфортабельную телегу. Горн сказал, что теперь обо мне все местные судачат. Здесь была старенькая повитуха, она скончалась пару месяцев назад, а её ученица вышла замуж и уехала. И хорошо, что теперь есть кому позаботиться о женщинах.

– Зато Ойзенберг теперь будет пакостить. Как вы его отбрили, – старик усмехнулся в бороду.

Ой, да плевать на человека-ворона. Я уже не в том возрасте, чтобы беспокоиться о том, что обо мне думают другие. Я сделала то, что должна, но…

Вряд ли кто-то ожидал от молодой и, как мне казалось, благородной воспитанной девицы такого напора, какой я сегодня показала. Надо как можно скорей узнать побольше об Эллен и об этом мире! Вдруг у местных жителей патриархат головного мозга и мужчинам даже в глаза смотреть неприлично? А я… клянусь, ещё немного, и я бы ему врезала.

Этот случай напомнил мне историю моего кумира – венгерского врача-акушера Игнаца Земмельвейса, который в далёком девятнадцатом веке первым стал практиковать обработку рук и инструментов хлорной водой. Умнейший человек, профессор, прозванный «спасителем матерей», добился снижения смертности женщин от родильной горячки в разы.

Но, как водится, где успех, там и зависть. А гениев и искренне преданных своему делу людей часто ждёт печальная судьба. Начальство и коллеги, которые шли принимать роды прямиком после вскрытия трупов, не озаботившись даже руки отмыть, затравили его до такой степени, что Земмельвейс закончил свои дни в психиатрической лечебнице.

А если меня тоже возьмут под белы рученьки и запрут в комнате без окон?

Ой, ладно. Зато отосплюсь. Самое страшное – смерть – я уже пережила и сейчас была выжата, как лимон. Тряслась в телеге и таращилась по сторонам, но от усталости не могла запомнить ничего.

Мы миновали деревушку. Горн рассказывал, что вокруг их много раскидано и все друг на друга похожи, как близнецы. Потом въехали в сам Левилль – окружённый стеной городок. Здесь всё пахло провинцией, но было уютно, что ли. И ни намёка на то, что в округе творятся какие-то страсти.

Много зелени, улицы в цветах, шныряющие туда-сюда куры и утки, резвящиеся дети, жирный котяра на заборе, умывающий желтоглазую морду. Лавки с яркими вывесками, ароматы свежей сдобы и копчёностей. Бабульки, торгующие свежим молоком. Я не сомневалась, что здесь продукты самые что ни на есть экологичные. В нашем мире многие питались курицей со вкусом поролона и пили молочку со сроком годности в год и даже не замечали этого.

Живот тоскливо заурчал. Эх, бедное оголодавшее тело, прежняя хозяйка о тебе совсем не заботилась? Кажется, юные девчонки во всех мирах одинаковы, истязают себя совершенно нездоровыми диетами, а потом привет аменорея, выпадение волос, депрессия и прочие осложнения. Опыта в жизни нет, самооценка на нуле плюс желание быть «не хуже» других.

В бане я успела оценить свою новую оболочку – впалый живот, тонкие запястья и щиколотки, выпирающие тазовые кости. Настоящая голодная студентка-практикантка. Ну, хоть юность вспомню, когда на нормальную еду денег не хватало и мы ели доширак и сосиски. А иностранные студенты подкармливали нас жареной селёдкой.

Задумавшись, я не заметила, как Горн подвёз меня к деревянному дому под большим дубом. Дом выглядел добротней и богаче, чем многие другие на этой

улице. Я мысленно присвистнула – устроюсь с комфортом!

– Приехали, нейра! – Горн спустился и помог мне выгрузить тяжеленный чемодан.

Вместе мы затащили его на крыльцо.

– Вот ключик, пожалуйста, – улыбаясь во весь рот, провожатый вручил мне старинный медный ключ с кольцом. – Столичная Академия не скупится на жильё для своих выпускников, вот и вам приличные хоромы сняли. Ой, чуть не забыл! Завтра к утру вам предстоит явиться в башню к нейру Лейту с документами. Он глава лекарской гильдии, обычно под его начало направляют практикантов.

Я покивала и искренне поблагодарила Горна. На самом деле он оказался вполне нормальным и доброжелательным. Будет хоть одно знакомое лицо в Левилле.

Когда старик забрался обратно на телегу и отчалил, я вставила ключ в замочную скважину. Похоже, здесь давно никто не жил, механизм поддался со скрипом, и, налегая плечом, я с трудом отворила тяжёлую дверь.

В нос ударил запах пыли и старых вещей. Сквозь занавешенные окна проникали редкие солнечные лучи, и эта запущенность вкупе с полутьмой нагоняли уныние. Оставив чемодан у двери, я принялась обследовать дом. Дверь из гостиной вела в небольшую кухню с выходом в сад. На террасе сиротливо ютилось кресло-качалка, в глубине двора, среди кустарника, прятался колодец.

Рядом с кухней обнаружилась узкая кладовка, а в ней глиняные чашки, прогрызенный мышами мешок с зерном, маленькие деревянные бочки с непонятным содержимым, котелки и чугунная сковорода.

Мамочки, где моя индукционная плита и электрический чайник? Где мультиварка с микроволновкой?

Зато экологично.

На самом деле всё не так уж и плохо, да. Здесь бы пройтись веником и шваброй, отскрести пыль и паутину, вычистить мебель, вытряхнуть и постирать тряпки,

как следует проветрить комнаты. Чувствую, мне будет чем заняться вместо сна.

Повздыхав, я отправилась исследовать левую половину дома. Там обнаружилась спальня со шкафом и широкой кроватью на добротных толстых ножках, ещё одна полупустая комнатка, похожая на кабинет, и ванная с деревянным корытом. В фильмах такие обычно застилали простынями, чтобы не занозить филейную часть.

Я не заметила и зацепила ногой стоящий на полу металлический горшок, и тот покатился по полу. Ёлки-палки, да это же самый что ни на есть… горшок! Ночная ваза. М-да, Елена Аркадьевна, дожили…

С непроницаемым лицом я покинула ванную комнату. Подхватила чемодан и вытащила его на середину гостиной. Нужно будет разобраться с местной валютой, а также прошерстить вещи Эллен. Чемодан сохранился хорошо и ни капли не пострадал от удара молнией. Надеюсь, в нём найдутся полезные вещи, способные рассказать об этом мире.

Чемодан из коричневой кожи с металлическими полосками был сделан добротно. Как говорится, на века. Я ощупала его, пытаясь понять, как эта махина открывается. Палец зацепил неприметный рычажок, раздался звонкий щелчок. Крышка как по волшебству распахнулась и…

Громко вскрикнув, я отскочила назад.

То, что происходило на моих глазах, напоминало кадры из сказочных фильмов. Чемодан начал разворачиваться, как гармошка или пенал с кучей отделений. Вправо, влево, назад, вперёд, вверх… Стопки с вещами, книгами, свитками, склянками, коробками. Металлическая вешалка с одеждой вытянулась прямо из бездонного нутра, оттуда же выскочило нечто, похожее на самогонный аппарат.

Всё это сопровождалось щелчками и грохотом, от которого вверх поднимались облачка пыли.

Всё своё ношу с собой, как говорится. Моя предшественница основательно упаковалась и, кажется, как и я, любила книги. В студенческие годы они хранились у меня везде, даже под кроватью. Я не могла уснуть, не почитав перед сном очередную главу из «Очерков гнойной хирургии» или, в крайнем

случае, что-то из художественной литературы.

Я осторожно, стараясь не «подорваться» на предметах непонятного назначения, прокралась к одной из стопок и потрогала кожаные корешки. Сначала тиснёные витиеватые буквы расплывались и казались тарабарщиной, но, проморгавшись, я увидела, как они начинают складываться в слова.

Ничего себе!

«Астрология в целительстве» соседствовала с «Наукой чревосечения», «Срамные болезни» с «Основами бытовой магии», а «История Рэнвилля» с «Как приготовить обед быстро и без затрат».

Чихнув от пыли и почесав нос, я продолжила рассматривать завалы. Признаться честно, я всегда была немного барахольщицей. Вот и сейчас при виде всего этого ладони горели всё разглядеть, повертеть, понюхать и потрогать.

А вон коробочка кремового цвета, перевязанная лентой. Осторожно приподняла крышку – внутри стопка женских панталон и чулок. Хорошо, что столь интимные вещицы оказались совсем новыми, ткань хрустела, а на бантике болталась бирка какой-то белошвейки. Носить чужое бельё, даже несмотря на то, что оно принадлежало этому телу, ну… такое себе.

На глаза попался чёрный бархатный кошелёк с вышивкой. Этакий бабушкин кошель. Открыв его, я высыпала на ладонь горстку монет. Серебрушки и медяки тускло поблёскивали. На лицевой стороне были отчеканены цифры, на изнанке – лицо важного мужчины, наверняка правителя.

Так, и что на это можно купить? В первую очередь мне потребуются продукты, немного вещей для дома, а потом и кузнец с ювелиром. Для этих мастеров у меня будет особый заказ. Надеюсь, они не посчитают меня тёмной колдуньей, которую надо срочно сжечь на костре?

На самом деле нужно ох сколько узнать и обдумать! Это вам не переезд на соседнюю улицу. Я оказалась выброшена в чужой неприветливый мир, как беспомощный младенец, и впредь надо вести себя осторожней. Осмотреться, послушать местных, порасспрашивать.

Кстати, что там говорил Горн? Мне надо завтра утром явиться в крепость пред светлы очи какого-то нейра Лейта – руководителя практики. Кстати, где раздобыть эти самые документы? Куда магичка Эллен их засунула? И о чём со мной будут разговаривать, о заклинаниях? Проверять, как я колдую?

Ох, ёлки-палки. Час от часу не легче.

Я покрутилась по сторонам, почесала макушку. Внимание привлекла продолговатая шкатулочка из гладкого дерева длиной и шириной с ладонь. Может, именно там лежит то, что мне нужно?

Повинуясь шестому чувству, я наклонилась и взяла её в руки. Потрясла, покрутила, никак не решаясь открыть. Мало ли что эти маги хранят у себя. Вдруг там сушёные кроличьи лапы?

Ладно, была не была, Елена Аркадьевна. Открываем!

Стоило отодвинуть защёлку, как крышка распахнулась, и на волю вырвался лохматый комок синей шерсти! Как очумелый, он начал носиться в воздухе и оглушительно пищать. Потом кинулся ко мне…

– А-а-а!

От неожиданности я рухнула на пятую точку, развалив стопку из книг, и принялась отбиваться от этого чуда-юда.

– Эй, ты что ещё такое, а?.. Прекрати… прекрати, я тебе сказала!

Марсианский хомяк завис в воздухе и вытаращился на меня круглыми чёрными глазами-бусинками.

– Это ты кто такая? Ты не Эллен! – пропищал воинственно.

Мама… оно говорящее!

Так, спокойней… дышим… дышим… Это мир с магией, не забыла? Лицо кирпичом и ничему не удивляемся. Выдохнув, я кое-как поднялась на ноги и разгладила

юбку.

– Так, пушистик, давай сначала оба успокоимся, а потом поговорим.

– Ты похитила меня!

– Нужен ты мне больно.

Что ещё за мохнатое создание на мою многострадальную голову?

Показалось, что глазки обиженно моргнули.

– Как это не нужен? Я полезный!

– Если ты полезный, то прекрати, пожалуйста, пищать.

Я выбралась на свободный от вещей островок пола. Мелочь продолжала всё так же парить в воздухе, не отводя пронзительного взгляда. И вдруг меня осенило.

– Знаешь что, Пискун? Давай нальём чаю и побеседуем по душам.

Судя по всему, существо это разумное. И поняло сразу, что я не Эллен. Кстати, у нас даже имена оказались похожи.

Эврика! Пискуна-то я и расспрошу! Уж наверняка эта волшебная малявка знает о моём новом мире и своей хозяйке всё.

Примерно через час мы уже сидели на террасе.

Когда я говорила про чай, почти не надеялась найти что-то, что можно употреблять в пищу. Но в кладовой в маленьких мешочках обнаружились засушенные травы, по запаху – совершенно нормальные. Перечная мята, шалфей… Похоже на успокоительный сбор. А мне сейчас ох как надо привести нервы в порядок.

И снова я с тоской вспоминала о благах цивилизации и электрическом чайнике. Или хотя бы газовой плите.

Огромная печь на кухне чуть не довела меня до инфаркта, поэтому я решила использовать камин в гостиной. Снаружи под навесом нашлись дрова. Я выбрала самые мелкие и сухие, сложила всё это добро наподобие вигвама и…

И чем всё это зажигать?

Конечно, я знала, что до изобретения спичек использовали кремень и кресало, чтобы высечь искру и поджечь трут. Но где их искать среди всех этих завалов? Хорошо, что вредный клочок синего меха, который всё это время только ехидничал и мешал, помог мне найти необходимое на одной из полок.

– А ты вообще кто такой? – спрашивала я, чиркая кремнём о кресало.

– Я – тиин, – гордо пропищала мелочь, перекатываясь по каминной полке и гипнотизируя меня наглыми глазками.

– Мне это ни о чём не говорит. – Искры, наконец, упали на мятую бумагу, которую я использовала вместо трута.

А теперь подуть… Вот так, аккуратно, чтобы не загасить.

Ура! Пламя начало разгораться!

Очередная победа в этом фэнтезийном средневековье.

– Это раса такая. Раса тиинов, – пояснил Пискун, спрыгнув мне на плечо и нагло там потоптавшись.

– Первый раз слышу, – я подвесила над огнём медный чайник.

Чтобы его наполнить, пришлось идти к колодцу, а после долго рассматривать воду, проверяя её прозрачность. Даже если отравлюсь… что ж, хуже уже не будет.

– Эльфов знаю, гномов тоже. Вампиров там, оборотней, драконов. Тиинов не знаю.

– Странная ты. Откуда вообще взялась? Что делаешь в теле Эллен?

– Так, давай обо всём по порядку. Мне срочно надо выпить чего-нибудь горяченького.

Как любила говорить моя мама: «В любой непонятной ситуации пей чай». А у меня не ситуация. Ситуёвина.

И вот, спустя целую вечность, мы сидели на террасе. Я упала в скрипящее кресло-качалку, укутавшись в плед из вещей Эллен и держа на коленях глиняную кружку с дымящимся травяным чаем. Этот сумасшедший денёк выжал из меня все соки, я чувствовала, как голова куда-то плывёт.

– Слушай, можно я буду называть тебя Пискун? – спросила я, когда клочок меха спрыгнул со спинки кресла мне на голову, а потом прокатился по плечу и удобно устроился на локте.

Глазки вытаращились удивлённо:

– Ты дашь мне имя?

– Ну да. А что? – я пожала плечами, а мой новый знакомый несколько раз перевернулся, а потом взмыл в воздух и завис у меня перед лицом.

– Мне никто не давал имени. Тиинам не положено иметь имён, только людям. А мы прислужники.

– Ой, глупости! – я махнула рукой и сделала глоточек ароматного чая. – Если будешь послушным и милым, я тебя ещё и баловать буду. Ну, так ты готов ответить на мои вопросы?

Тиин запищал на ультразвуке – как мне показалось, это было проявлением радости. А потом плюхнулся на колени.

– Что ты хочешь узнать, незнакомка? – спросил бодро.

– Кто такая Эллен и жива ли она? Как она колдовала? Каковы законы этого мира? Какую роль здесь играет магия и как она проявляется? И главное, какие опасности могут меня подстерегать?

Пушистик некоторое время ошарашенно смотрел на меня, а потом пискнул:

– А ты что, не отсюда?

– Как тебе сказать… Кажется, я умерла в своём мире, а очнулась уже здесь. У нас там совсем нет магии. Только наука и здравый смысл.

Ну, со здравым смыслом я перегнула, признаю. Адекватных людей мне встречалось крайне мало. Да я и сама была не совсем нормальной, о чём мне регулярно сообщали.

– Ого! Вот это да! Так ты, выходит, попаданка? Путешественница по мирам?

– А ты что-то знаешь о таких, как я?

Пискун подумал некоторое время, потом ответил:

– Я слышал, что появление попаданцев всегда сопровождалось трагическими или, наоборот, великими и радостными событиями.

О как! Смех и радость мы приносим людям. Только информация про трагические события мне не очень понравилась. В книгах, прочитанных мной, мои современники внедряли технологии и полезные фишки из другого мира, делая жизнь лучше и комфортней.

За прошедший неполный день у меня тоже возникли некоторые планы на этот счёт. Большие планы. Грандиозные. То, как здесь обстоят дела с родовспоможением, никуда не годится.

– А если кто-то узнает, что я попаданка? – спросила, сжимая кружку с остывающим чаем. – Что со мной сделают?

– Наверное, в подземелье запрут, – глазки-бусинки смотрели честно-честно. – Возможно, будут пытать.

– М-да, утешил. Слушай, Пискун, ты ведь не хочешь остаться без такой хорошей хозяйки, как я? Тогда помоги мне. Я должна замаскироваться под Эллен и ничем себя не выдать.

Гиперактивный тиин снова покатался по моим коленкам, подпрыгнул и заговорил. Я узнала, что Эллен Уолш происходила из древнего рода магов-целителей. Она была единственным ребёнком в семье и, к печали всех родственников, обладала слабым даром.

Её мать умерла шесть лет назад, отец в последнее время часто болел. В общем, дела семьи шли не очень. Эллен выучилась в столичной Академии, её хотели направить на практику в родной город, но она выбила у ректора назначение в Левилль.

– Почему? – спросила я, недоумевая. – Сейчас мы находимся очень далеко от столицы, а дома всяко лучше.

Тем более, рядом Ничьи земли. Уже по одному названию ясно, что хорошего не жди.

Пискун ехидно захихикал, при этом его синенькое мохнатое тельце смешно сотрясалось.

– Замуж не хотела выходить, вот и сбежала.

– Ах, ну это всё объясняет!

Я понимала бедняжку. После двух неудачных браков у меня тоже аллергия на слово «замуж». А здесь ещё, кажется, мнения девушки никто не спрашивает, на кого родители покажут, за того и пойдёт. Раз Эллен так далеко укатила, то её несостоявшийся жених, скорее всего, обрюзгший богатенький старикан.

Меня аж передёрнуло. Стало жаль молодую волшебницу, которую я даже не знала, но чьим телом так активно пользуюсь.

Мы замолчали ненадолго. Улицу окутал сумрак, но кое-где в небе ещё алели закатные полосы. В соседних домах зажглись огоньки – здешний народ жил привычной размеренной жизнью. Я допивала чай, глядя, как ветер колышет заросли в саду и как по террасе бодро скачет жаба.

– Слушай, Пискун, а Эллен действительно умерла?

В тёмных глазках промелькнула грусть, но быстро исчезла. Тиины не испытывают сильной эмоциональной привязанности к хозяевам? Это особенности их расы?

– Да, моей хозяйки больше нет. Я почувствовал, как её душа покинула тело, я ведь её фамильяр.

Фамильяр? Они тоже были в фэнтезийных романах и чаще всего представляли собой пушистых, но вредных милах. Вот как эта морда.

– Мой провожатый говорил, что гроза началась совершенно неожиданно, а молнии были колдовскими.

– Я не видел, я спал в своей шкатулке, – пропищал тот, выпучив глазки. – Ты хочешь сказать, что… что Эллен…

– Я уже ничего не знаю, – я вздохнула, устало потерев лоб. Всё становилось только запутанней и непонятней. – Ты, дружочек, подумай на досуге, не было ли у твоей бывшей хозяйки врагов, кому она могла мешать. А пока расскажи про фамильяров.

– Фамильяры помогают молодым магам колдовать, – начал он заумным тоном. – Направлять магические потоки и не давать им рассеиваться. Эллен поймала меня в зачарованном лесу, когда ей было тринадцать. С тех пор я стал её помощником и прислужником.

Почему-то мне стало жаль его. Был свободным существом, а потом…

– Пискун, а как это всё происходит? Ну, колдовство. Надо взмахнуть волшебной палочкой и сказать особые слова?

Мелочь противненько захихикала, будто я сморозила ужасную глупость.

– Ты чего закатился, дурашка? – сведя брови на переносице, строго спросила я. – Мы договорились о сотрудничестве!

Отсмеявшись, тиин запрыгал на маленьких лапках – из-за длинной шерсти я их раньше не замечала.

– Ладно-ладно, смотри!

Сделав в воздухе сальто, он метнулся ко мне – в ту же секунду запястье обвил тяжёлый металлический браслет. Я неосознанно затрясла рукой, пытаясь его сбросить, но в голове послышался тонкий голосок:

– Чего испугалась? Это же я! Сейчас мы с тобой поколдуем!

– Поколдуем? – спросила, скептически изогнув бровь.

Сюр какой-то. Кто бы мог подумать, что со мной случится такое!

– Да ты не бойся! Кстати, как мне тебя называть?

– В моём мире меня звали Елена, но для конспирации называй меня Эллен, – я повертела рукой с браслетом. Кажется, настоящее серебро. И камни синие. – Что делать-то надо?

– Почувствуй, как по твоему телу текут магические потоки, направь их в одном направлении, прикажи… Что смешного? – голос Пискуна прозвучал обиженно. – Я тут распинаюсь, а ты меня даже не слушаешь!

– Прости, – я попыталась успокоить дыхание. – Просто в нашем мире про всякие потоки и магию говорят только шарлатаны. И про впитывание силы земли нижней чакрой.

– Я не шарлатан! Сейчас я тебе докажу! А ну-ка, попробуй поднять кружку!

– Силой мысли? – я сдавленно хихикнула.

Послышался тяжкий вздох.

– Какая глупая попаданка мне досталась. Сосредоточься, направь свою силу на кружку и представь, как она поднимается. Это простейшая бытовая магия! Эллен была в ней неплоха. По крайней мере, она давалась ей лучше целительства. Тело должно помнить, а я помогу концентрировать магию.

Решив больше не ржать и не расстраивать пушистика, я закрыла глаза, простёрла ладонь над кружкой и честно попыталась нащупать магические потоки. Промучившись секунд двадцать, произнесла:

– Ничего не получится. По крайней мере, вот так, с наскоку. Я тебе говорила, что в моём мире нет магии. Ну и что, что сейчас я в теле Эллен? Главное ведь дух, а у меня он очень даже прагматичный и приземлённый.

Кожей я почувствовала раздражение тиина.

– Не говори глупостей! Я чувствую в тебе дар.

Пискун долго меня уговаривал, в итоге я сдалась и почти полчаса мучила свой организм, пытаясь выдавить из него хоть каплю волшебства. Тщетно… У нас ничего не получалось.

– Наверное, ты права. Придётся тебе для начала почитать учебники, начать с самых азов, – констатировал хомячок-мутант.

Я даже была с ним согласна. Чтобы выжить в этом мире, надо буквально перепрыгнуть через голову. Времени в обрез, все считают меня нейрой Эллен, крутой столичной магичкой. А я умею творить чудеса без магии, рождение ребёнка это тоже чудо, так ведь?

– Тогда завтра и начнём. В чемодане целая переносная библиотека. А пока покажи, где Эллен хранила документы, и расскажи, о чём со мной может завтра говорить этот нейт Лейн.

К этому времени и улица, и дом погрузились во мрак. В окна-глазницы сочился тусклый лунный свет. Пока я шла по тёмным комнатам, казалось, будто по углам прячутся чудовища, готовые меня слопать.

По указке Пискуна я довольно быстро нашла в вещах Эллен магический светильник в виде банки, внутри которой парили яркие точки светляков. Стоило тряхнуть её хорошенько, как огоньки вспыхнули и осветили унылую пыльную комнату.

В кожаном чехле под завалами нашлось свидетельство об окончании целительского факультета столичной Магической Академии, выписанного на имя Эллен Уолш. Там же лежало удостоверение личности. Изучив заветные бумажки, я зевнула и потёрла глаза.

Как там говорят? Утро вечера мудренее? Самым правильным будет набраться сил перед тяжёлым днём, а завтра надо будет Милли с малышкой проведать…

– Так что ты думаешь? Он попросит показать, как я колдую? – спросила пушистика, наматывающего круги по гостиной.

– Ну, я ведь не всезнающий, – хихикнул шерстяной вредина. – Придумай что-нибудь, импровизируй или просто сыграй дурочку. Ресницами похлопай, поулыбайся. Ты что, не знаешь, как это делается?

Я чуть не взвыла. За что мне это лохматое наказание!

– Завтра я должна постараться не спалиться, если ты забыл.

Пискун завис прямо у меня перед лицом.

– Но я и вправду не знаю! Я ведь ещё ребёнок… – добавил тихо и жалобно.

– Ладно, горе моё луковое. Пошли, уложу тебя.

Спал мой дружок в той самой шкатулке на подстилке из свежего лесного мха. Пожелав мне спокойной ночи, свернулся в комок и радостно захрапел.

А я перво-наперво перетрясла постель – хоть насекомых не было, и на том спасибо! Усатых и полосатых соседей я бы точно не пережила. Я читала, что раньше балдахины на кроватях служили для того, чтобы клопы с потолка не падали на головы спящих. Бррр, какая гадость!

После этого я смахнула пыль со всех поверхностей и три раза прошлась влажной тряпкой. Конечно, это вам не клининг, но дышать стало легче.

Ночная прохлада постучалась в окна, стало зябко, а спать в чужой постели непривычно, хотелось пожалеть себя, как маленькую девочку. В голове прокручивались кадры из моей прошлой жизни. Детство и юность – полустёртыми картинками. Потом универ и взрослая жизнь…

Что я оставила дома? О чём мне жалеть?

Прекрасная карьера врача акушера-гинеколога и большой клинический опыт – это то, чего я достигла к своим сорока с хвостиком. А что же личная жизнь? Здесь тоже было что вспомнить. И я вспоминала.

Первого моего мужа звали Серёжей, которого моя бабушка, царствие ей небесное, называла Сирожа. Рожа у него действительно была смазливой. Мы поженились сразу после универа, он пел мне о любви, а сам, как оказалось, водил домой бывшую однокурсницу, когда я пахала ночами в роддоме.

Наш «счастливый» брак не продлился и двух лет. Когда я выгоняла Сирожу из нашей съёмной квартиры, за которую, кстати, всегда платила я, то узнала о себе много нового. Что я неженственная, плохо готовлю, не уважаю его друзей и не уделяю ему внимания. И что работа мне дороже семьи. Зато он, бедолажка, во имя укрепления брачных уз водил домой эту Лину.

Поревела я пару дней, а потом решила – да пошло оно всё! Божий дар не яичница, моё призвание – спасать людей и помогать им появляться на свет. И пошло-поехало, работа затянула в свои сети на долгие годы. Меня в городе знали и советовали знакомым и родственницам, многие стремились попасть ко мне на роды или консультацию. Я крутилась как белка в колесе, позволяя себе редкие отпуска. Ну не умела я отказывать, когда просят.

А потом появился Владик. Ворвался в мою жизнь как тайфун, и я поняла, что влюбилась. В животе порхали бабочки, в голове лопались мыльные пузыри, а всё женское окружение твердило, сколько можно чужих детей рожать, пора бы и своими обзавестись.

«Леночка, тебе уже тридцать пять, часики тикают».

«Лена, мне нужны внуки».

«Женщина без детей не женщина».

А кто тогда? – спрашивала я. Крокодил? Матка и яичники на месте, значит, женщина. Такие бестактные высказывания меня обижали. Ох уж эта привычка совать свои носы в чужую личную жизнь.

Так, значит, я остановилась на Владике…

Он красиво ухаживал и любил широкие жесты, а в свадебное путешествие мы улетели на Бали. Мой второй муж любил кутить: дорогие машины, айфоны, рестораны, брендовые вещи. Это потом я узнала о куче кредитов. Помогала их гасить, дурочка.

Вскоре Влада, который фрилансил из дома, начало раздражать, что меня могли выдернуть на работу прямо из отпуска, пациентки могли позвонить среди ночи и попросить приехать на роды. А что делать? Я не могла отказать. Он же считал, что мне пора подыскать спокойную работу в частной клинике на полставочки, чтобы больше времени проводить дома и обслуживать его, любимого. Чтобы мы могли ходить вместе к его друзьям, гулять по ресторанам, летать в отпуска, когда приспичит.

Спустя три года нашего брака во время ночной смены мне пришло с неизвестного номера видео, на котором Владик тусовался с друзьями. Но не один, а в компании какой-то пергидрольной крали. Они танцевали вместе, он её обнимал, они целовались на виду у всех.

Он даже не отпирался, просто собрал вещи и ушёл, обвинив меня во всех смертных грехах. Что я скучная, как старая бабка, серая, не умею веселиться и

думаю только о своей работе. Особенно больно было слышать, что я, будучи акушером, не могу родить ребёнка. Ударил, гад, по больному.

Я обследовалась и консультировалась с коллегами, все пришли к выводу, что моё здоровье в полном порядке. Здоров был и Влад. Значит, не судьба была нам иметь совместных детей.

Время шло, внезапно не стало родителей, в аварии погиб старший брат. С подругами, загруженными работой и семьёй, я с каждым годом виделась всё реже и реже. Вот уж правда, работа заменила мне всё. Но иногда такая тоска накатывала, так хотелось родную душу рядом, хотелось подержать на руках своего родного малыша. Девочку или мальчика – неважно. Пока возраст, здоровье и финансы ещё позволяли, я думала об искусственной инсеминации. Запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда. Но моим планам помешало попадание в другой мир.

Говорят, человек всегда оказывается там, где он должен быть. Где в нём больше всего нуждаются.

Может, это судьба? Начать сначала, только в другом мире. И, быть может, здесь моё настоящее место?

* * *

Я всегда просыпалась по будильнику, но сегодня настойчивых трелей слышно не было… Ах, чёрт! Опоздала на работу! Проспала! Наверное, телефон разрядился…

Подскочив на постели и прижав руку к бешено колотящемуся сердцу, я огляделась. Медленно до меня доходил смысл происходящего.

Так это не сон?

Всё произошло взаправду, и я действительно нахожусь в другом мире?

– Доброе утро, соня-засоня! – жизнерадостно пропищал синий комок, шлёпнувшись мне на кровать. – Там к тебе пришли.

И правда, через пару секунд я услышала грохот в дверь.

Мамочки! Кого принесло с утра пораньше?

Глава 3

Закутавшись в одеяло, я понеслась к входной двери, поджимая пальцы на ногах – пол, как и весь дом, за ночь выстудило! Когда на бедную дверь был готов обрушиться новый шквал, я отодвинула щеколду и высунула нос.

На пороге стоял высокий молодой мужчина с крупными, но приятными чертами лица, светлыми волосами до плеч и большими руками. Вид его говорил о том, что этот детина из простого сословия. Обычный горожанин, каких сотни.

– Доброе утро, – произнесла я, забыв, что утро добрым не бывает. – Вам кого?

– Вы нейра Эллен? – спросил он торопливо, пытаясь скрыть нервозность.

– Допустим, я.

– Меня зовут Лой. Нейра, я слышал, что вчера вы оказали помощь одной девушке из деревни, когда надежда уже была потеряна. Прошу, помогите и нам! У моей жены болит живот, мы живём неподалёку… – парень сложил руки на груди в молитвенном жесте.

– Давно болит? Как болит? Где болит? Какой срок беременности?

Из меня посыпался стандартный набор вопросов, но, видя, как вытягивается лицо Лоя, махнула рукой.

– Ладно, посмотрю.

– Я вас отведу, нейра. Что угодно для вас сделаю, только помогите!

– Жди, я сейчас.

Захлопнув дверь, я сбросила одеяло. Елена-Эллен, да ты просто нарасхват! Не успел день начаться, как пациенты пожаловали. Только была одна проблема, мне сегодня позарез надо явиться к руководителю практики.

А вдруг у женщины что-то серьёзное?

Мой внутренний акушер-гинеколог начал орать, что врачебный долг прежде всего, а всякие непонятные дядьки могут и подождать.

– Эй, ты куда? А как же я? – суетился Пискун, пока я быстро приводила себя в порядок и одевалась. – Мне скучно!

– Я что, развлекать тебя должна? – огрызнулась я, но тут же пожалела. – Ладно, можешь поехать в моём кармане. Или превратиться в браслет.

Радостно взвизгнув, мой новый друг сиганул мне на запястье и сменил форму. Чистое волшебство и никакого мошенничества!

Когда я запрыгивала в туфли, желудок издал голодную трель. От всех этих волнений вчера я забыла поужинать. Ладно, потом перекушу. Как говорил товарищ Сталин, хорошего врача и народ прокормит.

– Да есть тут где-нибудь зеркало? – проворчала, переплетая длинную косу. Тёмно-каштановые волосы Эллен были длинными и густыми, не испорченными сульфатным шампунем, утюжком и жёсткой городской водой.

Распахнув дверь, я вылетела на улицу. Лой нетерпеливо приплясывал у порога. Метнув в мою сторону взгляд, отчего-то смутился и опустил глаза.

– Нейра… пожалуйте за мной. Прямо по этой улице до угла, а затем направо.

И чего он так посмотрел? Я что, рубашку наизнанку надела? Да нет, всё нормально.

Быстро ходить в тех колодках, что назывались туфлями, было ужасно неудобно, поэтому я сделала себе пометку купить нормальную обувь. Не эту щегольскую с бантиками, а нормальные такие ботинки с толстой подошвой. Самое то грязь месить.

Утреннее солнышко пробивалось сквозь кроны деревьев, чистое небо обещало погожий день. Я помедлила, думая, как лучше обратиться к своему провожатому. Пискун сказал, что нейтом и нейрой называют только высокородных. Ладно, буду звать его по имени, как будто мы уже друзья.

– Лой, я никого не знаю в этом городе, поэтому будь добр, посоветуй мне самого рукастого кузнеца и самого умелого ювелира. Ах, и ещё швею.

Парень бросил взгляд через плечо. Он шагал впереди, а я семенила за ним следом, как мелкая собачка за слоном.

– Нейра, так это… мой тесть как раз кузнец.

Отлично! Я мысленно потёрла ладошки. Без гинекологических инструментов я как без рук. Сомневаюсь, что в чемодане Эллен найдётся что-то, похожее на акушерские щипцы, зеркала или тазомер.

А Лой, тем временем, продолжал:

– Ювелир у нас в городе один, а про швею вам лучше жена или матушка расскажут.

Как он и обещал, шли мы недолго. Вот уже заходим в калитку и двигаемся к порогу, на котором дежурит зоркая тётенька со строгим лицом.

– Нейра… Эллен? – чёрные брови удивлённо взметнулись, но в следующую секунду лицо расслабилось и подобрело. – Милости прошу! Заходите, нейра.

Наверное, она ожидала увидеть кого-то постарше. В идеале женщину её возраста, потому что у многих укоренилось в голове – если не рожала, значит, в акушерстве ничего не смыслит.

Ну, извините, что есть, то есть.

– Утро доброе, м-м-м… как вас называть? – спросила я деловито и вошла в дом.

В нос сразу ударил запах блинов, молока и варенья. Сразу вспомнилось лето у бабушки, на секунду охватила тоска по покинутому миру…

– Грэтой меня звать, – тётенька вытерла руки о передник и указала на распахнутую дверь в комнату. – Спасибо, что согласились заглянуть. Моей невестке нездоровится.

В этот миг в проёме показалась рыжая кудрявая голова.

– Здрасьте!

Девушка была совсем молоденькой, с рассыпанными по носу веснушками. Под передником вздымался округлый живот – недель тридцать, не меньше.

– Смотри не подведи, – хихикнул в голове Пискун, а я бросила беглый взгляд на браслет.

Если он будет постоянно отвлекать своей болтовнёй, ух-х задам!..

– Здрасьте-здрасьте, – я прошла в комнатку и прикрыла за собой дверь, едва не прищемив нос любопытной свекрови, норовившей сунуться следом.

Огляделась. В спальне было уютно – кровать застелена свежим бельём, на полу плетёный ковёр, в окне синие головки цветов.

– Присаживайтесь, нейра, – девушка указала на кровать, но я приземлилась на табурет и, закинув ногу на ногу, осмотрела пациентку с головы до ног.

– Тебя как зовут?

– Анка, – рыженькая, кряхтя, присела на край кровати.

– Что беспокоит, голубушка?

Сюсюканье вырывалось из меня неконтролируемо. В моей профессии просто необходима ласка и деликатность. Видя доброжелательность и участливую улыбку, Анка расслабилась и заговорила:

– Иногда покалывает тут, внизу, – положила ладонь на подвздошную область.

– А ещё?

Та свела брови, думая над чем-то, потом неопределённо пожала плечами. А Лой расписывал, будто она помирает от боли. Ох уж эти молодые папаши.

– Ну, спать хочется иногда. И солёных огурцов.

– Ложись, – я жестом указала на кровать.

После пропальпировала живот – ничего особенного, малыш лежит головкой вниз, тонус матки в норме. Ещё бы стетоскоп, чтобы сердцебиение прослушать.

– Ребёнок шевелится?

– О! Да не просто шевелится, а дерётся! Мальчишка будет, как чувствую, – она тепло улыбнулась, погружённая в мечты о щекастом карапузе.

– Пьёшь много? Мочиться не больно?

Я помучила девушку стандартными вопросами, а потом велела:

– Подними юбку до колен.

Глядя на меня с подозрением, Анка задрала шерстяную юбку, а я стащила с неё полосатые гольфы. Есть пастозность голеней. Надавила пальцами на всякий случай – и небольшие отёки. Первая степень, не больше, но и это меня насторожило.

Я попросила её встать и аккуратно проверила симптом Пастернацкого, когда ладонь одной руки кладётся на область почек, а кулаком второй совершаются постукивания. При воспалении почек капсула растягивается, и сотрясение органа вызывает боль.

– Ай! – пискнула рыжая Анка.

– Больно? – прекратив манипуляцию, спросила я с беспокойством.

Та помолчала.

– Да нет, просто мне так раньше никто не делал.

– Фух, ладно. А то напугала.

Анка хихикнула.

– Жара не было?

Та покачала головой.

Я боялась пиелонефрита беременных. В моей практике это нередко встречалось даже у женщин, у которых никогда прежде не было проблем с почками. Но, похоже, здесь пока ничего критического.

В конце я, положив средний и безымянный пальцы на лучевую артерию, оценила пульс. Ровный, чуть частит, но это норма для беременных. Наполнение хорошее. Давление, кажется, не повышено.

– Дело в том, что ребёнок растёт и давит на почки. Тебе, дорогая, надо делать специальную гимнастику, – произнесла я, глядя прямо в наивные голубые глаза. – В общем, рассказываю. Слушай и запоминай.

И я рассказала Анке, как и сколько раз в день делается почечная гимнастика для беременных. А потом и показала. На полу. Опустившись на локти и оттопырив пятую точку.

По закону жанра в этот момент дверь отворилась, и в щель просунулись два любопытных носа – Грэты и Лоя. Любопытство сожрало, видать. Их шокированные взгляды были достойны Оскара, а я рявкнула:

– Закройте дверь, я работаю!!!

Тут же раздался хлопок, и я выдохнула.

Чёрт!

Закончив с осмотром, я вышла в кухню. Грэта хлопотала у стола, её сын нервно топтался у порога.

Свекровь показалась мне более толковой, чем Анка, у которой на почве беременности в голове порхали бабочки и лопались мыльные пузыри. Я успокоила родственников и рассказала, как заваривать чай из листьев и плодов брусники, которая обладает сильным мочегонным действием и предотвращает развитие отёков. Важно было не только снизить нагрузку на почки, которые сдавливал растущий карапуз, но сохранить жидкость в сосудистом русле, чтобы она не просачивалась в ткани и не было сгущения крови. Для этого беременной нужно полноценное питание.

Да, отёки далеко не всегда были симптомом развития гестоза или заболевания почек, как следствие, его тяжёлых осложнений, но я была перестраховщицей. Насмотрелась всякого, потому и предпочитала десять раз всё проверить.

Эх, жаль здесь нельзя взять нормальные анализы. Но в доме осталась куча книг… Если оттуда я узнаю что-то полезное? Например, как ставить диагнозы и лечить при помощи магии?

Но хороший аптекарь или даже алхимик понадобится по-любому.

– Спасибо вам, нейра! Вижу, вы много знаете. А я и стол успела накрыть, – Грэта сделала приглашающий жест.

Блестящие солнышки блинов с маленькими дырочками так и манили. Так манили, что я не смогла отказаться. А тут ещё и сметанка с вареньем, и кружка настоящего домашнего молока, ммм! Доктор должен быть сыт и здоров!

А руководитель практики подождёт ещё немного.

– Как устроились, нейра? Нравится вам у нас?

Пока я насыщалась, хозяйка пытала меня вопросами. Я честно пожаловалась, что дом мне достался пыльный и грязный, а убраться руки не доходят. Дел невпроворот!

Грэта выслушала с сочувствием.

– Ни о чём не волнуйтесь, нейра Эллен! Раз уж вы нам не чужой человек теперь, то я всё улажу.

Когда с трапезой было покончено, я подробно расспросила, как дойти до башни, в которой обитали лекари во главе с нейтом Лейном. А у дверей Грэта почти силой впихнула мне свёрток с убийственно ароматной чесночной колбасой.

– Я буду наблюдать за беременностью вашей Анки, – пообещала я с улыбкой, а потом попрощалась и выпорхнула за дверь.

В голове тут же послышался писк:

– Я думал, ты никогда не закончишь! Нас вообще-то руководитель практики ждёт, не забыла?

– Тише, малявка, не ругайся. Всё успеем.

* * *

Хорошо, что я догадалась захватить документы с собой, потому что на входе у решётки меня остановил мужичок в тёмно-синей форме, пузатый, как чайник. Проверив удостоверение и смерив меня подозрительным взглядом из-под

лохматой брови, пустил на территорию.

Это было длинное серое здание, обнесённое такой же серой приземистой стеной. Периметр был засажен зелёной травкой, кое-где желтели одуванчики, разбавляя строгий пейзаж. В центре всего этого высилась башня с узкими окнами-бойницами, на вершине которой и обитал нейт Лейн.

– Ну что, Пискун, ты готов?

По дороге мы договорились, что пушистик будет подсказывать правильные ответы, чтобы я не запоролась. Вот и почувствую себя одной из тех студенток, что сдавали у меня зачёты в наушниках! Вдохнув поглубже и мысленно пожелав себе удачи, я зашагала навстречу волнующей неизвестности.

И вздрогнула, как воришка в супермаркете, услышав окрик:

– Нейра, вы к кому?

Ко мне спешил бледный юноша со светлыми волосами. Хорошенький и затянутый в тёмно-синюю строгую форму.

– Мне нужен нейт Лейн, – улыбнулась я как можно обворожительней, когда он поравнялся со мной.

– А по какому вопросу? Нейт Лейн занятой человек.

Он пытался казаться строгим, но смущение выдавал нежный румянец на гладко выбритых щеках. Наверное, здесь нечасто появляются девушки.

– Скажи, что ты Эллен Уолш, прибыла на практику из столичной Магической Академии, – пропищал в голове мой друг.

– Сама знаю… – шёпотом выпалила я и поняла, что сказала это вслух.

Да-а… выгляжу, как псих, который разговаривает сам с собой. Потом откашлялась и повторила слова Пискуна.

– Ах, это вы? Та самая магичка из столицы, которая должна к нам приехать? – светлые брови удивлённо приподнялись. – Мастер Лейн ждёт вас с самого утра. Я могу вас проводить? – вежливо предложил юноша.

– Да, пожалуйста. Будьте так добры.

Ведём себя так, будто ничего особенно не происходит. И улыбаемся, потому что очарование творит чудеса, а мне надо расположить к себе как можно больше людей.

– Меня зовут Йен, – представился этот светловолосый херувимчик и повёл меня за собой.

– Очень приятно с вами познакомиться. А что, здесь находится госпиталь?

Тяжёлая деревянная дверь заскрипела, пуская нас внутрь. К моему удивлению, изнутри башня освещалась газовыми светильниками. А, бегая по улицам в поисках места назначения, я видела газовые фонари.

– Да, нейра. Это здание госпиталя, – коротко ответил Йен. Болтливостью он не отличался.

– Скажите, нейт Йен, здесь находятся люди с разными заболеваниями? Хирургические? С травмой? Гнойные? Тифозные? – вопросы посыпались как горох, только успевай собирать.

Йен бросил взгляд через плечо.

– Это единственный госпиталь в округе, нейра. Конечно, у нас лечат всё.

– Да? И насколько успешно? Все больные содержатся вместе? Или у вас несколько отделений и раздельные палаты?

– Думаю, если нейт Лейн допустит вас к практике, вы всё увидите своими глазами.

Допустит? А может и не допустить?

– А ты думала, легко будет? Может, тебя отсюда прогонят, – пропищал тонкий голосочек, и я мысленно велела ему прекратить накалять обстановку.

Когда мы поднялись на самый верх, я успела запыхаться. Физическая форма этого тела никуда не годилась, у меня в сорок с хвостиком была лучше. А теперь придётся заняться укреплением сердечно-сосудистой системы, дыхалки и подтянуть мышцы.

Паренёк подвёл меня к одной из трёх одинаковых дверей и постучал.

– Войдите! – послышалось изнутри.

У меня даже живот прихватило от волнения, когда мы переступали порог кабинета. В нос ударил запах старой бумаги, пыли и древесины. Внутреннее убранство напомнило об играх-бродилках, когда ходишь по старому замку и ищешь артефакты, или кадры из исторических фильмов. За массивным столом у узкого окошка восседал нейт Лейн собственной персоной, а вокруг него высились кипы бумаг.

Йен кивнул и молча вышел.

– Ну, чего язык проглотила? – ехидно пропищал синий товарищ. – Поздоровайся хотя бы.

– Доброе утро, нейт Лейн, – произнесла я как можно вежливей. А запах чесночной колбасы у меня под мышкой вмиг заполонил всю комнату.

– Сейчас не утро, – сухо обрубил мужчина. – Вы опоздали, нейра.

Взгляд Лейна был ледяным, как айсберг. На вид ему можно было дать лет сорок пять – сорок восемь, под глазами застыли усталые складки, от уголков рта к подбородку тянулись угрюмые морщины. Щетина на впалых щеках неаккуратно торчала, придавая ему вид то ли сумасшедшего учёного, то ли злобного врача, которого боятся все пациенты.

– Извините, нейт Лейн. Возникли неотложные дела.

– Понимаю, – протянул он, приподнимаясь из-за стола. – Молодым девушкам важно высыпаться по утрам. И на макияж много времени уходит. И на рынок надо успеть заскочить, да, нейра? – указал на мою колбасу.

– Никак нет! С утра я принимала пациентку, – ответила я, гордо вздёрнув подбородок.

Брови Лейна взлетели под потолок.

– Вы? Пациентку?

– К вашему сведению, у меня большой опыт ведения беременности и родов.

Руководитель снисходительно усмехнулся.

– Да, я наслышан о ваших вчерашних подвигах. Нейт Ойзенберг мне всё доложил.

И столько было в его тоне обидного пренебрежения, что я позволила Елене Аркадьевне вырваться на волю.

– Я спасла жизнь роженицы и ребёнка, когда ваш нейт Ойзенберг хотел угробить обоих.

– Вам просто повезло, – осадил он мой пыл.

Повезло? Вот как это называется?!

– Что за самоуверенный гусак! – ругнулся Пискун, и я была с ним полностью согласна.

– Почему вы решили отправиться именно сюда, нейра Эллен? – вдруг перевёл тему мой непосредственный начальник.

– Здесь хороший воздух, – я вернула усмешку. – А ещё, говорят, тут люди пропадают… и целители нужны.

Нейт Лейн строго поджал губы.

– Чем вы можете быть нам полезны, кроме, с ваших слов, всех этих женских дел?

– Я умею выполнять многие медицинские манипуляции, диагностировать болезни, проводить операции…

Да, при желании я могла вспомнить и топографическую анатомию тела, и ведение большинства операций, которые мы проходили в годы учёбы.

– И даже крови не боитесь?

– Я не боюсь ни крови, ни других биологических жидкостей.

Очередная усмешка вспорола рот, сделав морщины Лейна глубже.

– Здесь никто долго не задерживался. А молодые нейры и подавно. Либо уезжали домой, испугавшись грязной работы, либо выскакивали замуж. Кстати, нейра Эллен, а почему вы до сих пор не замужем?

Ну что за бестактный вопрос! Не объяснять же ему, что я сыта двумя неудачными браками по горло.

– Я намерена посвятить свою жизнь спасению людей, уважаемый нейт Лейн, – ответила с достоинством и пафосом, хотя мой руководитель явно напрашивался. Он-то не в курсе, что связался с женщиной из двадцать первого века! – Я давно решила, что семья – не мой удел.

Тот выслушал меня с подозрительным выражением, чуть сощурив светлые глаза. Потом отчеканил:

– У нас заключен договор с Академией на год. Я предлагаю вам сделку, уважаемая нейра, – нейт произнёс это таким тоном, будто мечтал, чтобы я поскорее убралась вон. – Я подпишу все ваши документы, а вы можете здесь даже не появляться. Занимайтесь в городе своими женскими делами, гуляйте, читайте книги, ходите на свидания и в театр…

– Стойте-стойте, я не поняла, вы меня сейчас пытаетесь… выгнать?

– Вы всё поняли верно, уважаемая. У нас здесь свои методы, свой коллектив, нам не нужны лишние руки и уши.

– А как же посмотреть на меня в деле? Дать хоть какой-то шанс? – ухватилась за соломинку я. – Разве вам не нужны целители?

– Хватит с нас магов! Такие, как вы, рушат всё, к чему прикасаются, – неожиданно агрессивно прошипел нейт Лейн и швырнул папку, которую всё это время тискал в руках, на стол.

Да уж, у него с магами явно были какие-то недопонимания. Но я здесь при чём?

– Ну, скажи ему что-нибудь, Эллен! – подбадривал меня Пискун.

– Я вижу, раньше вам попадались нерадивые практиканты? Откуда такая предвзятость? Или всё это потому, что я молодая привлекательная девушка? – выпятив грудь, я откинула косу за спину. Меня разрывало от злости на этого сексиста, но я старалась держаться, чтобы не нахамить и раз и навсегда не отрезать все шансы.

Лейн покачал головой и снова уселся за свой стол.

– И потому, что я слишком хорошо знаю вас, магов. И потому, что вы девушка. Будете отвлекать других от работы. Мне здесь нужны лекари с холодной головой, а не стая влюблённых дурачков.

Вот… вот сволочь! Стать одним из местных врачей – мой самый простой шанс устроиться в этом мире, а предвзятый и противный Лейн его запорол. Я заскрипела зубами и сжала пальцы в кулаки. Считает меня пустышкой и дурой, которая думает лишь о нарядах и кавалерах?

– Раз так, уважаемый нейт Лейн, то я могу идти? – спросила я голосочком настолько елейным, что из него можно было нацедить бидон яда.

Мужчина кивнул.

– Можете, нейра. Рассчитываю увидеть вас в своём кабинете не раньше, чем через год.

Пылая, как факел, и впечатывая каблуки в пол со всей силы, я вышла прочь и хлопнула дверью. Прислонилась к ней спиной и прикрыла глаза.

Ну, приехали. Меня выставил с практики какой-то надутый болван.

И что теперь делать?

Выровняв дыхание, я почувствовала, как натянутые струны нервов расслабляются. Что бы там ни сказал этот нейт, не надо принимать его слова близко к сердцу. Увы, я всегда слишком остро реагировала, когда кто-то затрагивал мои профессиональные качества или начинал нести шовинистический бред.

А в голове тем временем замаячили новые перспективы.

– Пискун, ты чувствуешь запах свободы? – произнесла я шёпотом.

Тот хихикнул.

– Давай скорей покинем эту обитель зла! Снаружи поговорим.

– Согласна.

На выходе я снова наткнулась на Йена.

– Ну как? – спросил юноша с искренней заинтересованностью.

Я пожала плечами.

– Он меня не взял. Сказал приходить через год за подписью.

– Мне жаль, нейра.

Йен вздохнул, и показалось, что он уже не в первый раз наблюдает подобное. И вдруг таким он молоденьким мне показался, бледным и субтильным, совсем как те недосыпающие и недоедающие студенты из моего мира. Я улыбнулась и сунула ему свёрток с колбасой.

– Нейра, не… не надо…

– Берите-берите. Я же знаю, что молодым лекарям и студентам иногда даже перекусить некогда. А вы были ко мне добры.

Мальчишка покраснел даже кончиками ушей, а я успела сбежать, чтобы он не вернул мне свёрток обратно. У меня сегодня ещё дела намечаются, нужны свободные руки.

Едва я вышла за ворота, сопровождаемая подозрительным взором пузатого сторожа, Пискун принял своё истинное обличье и шмыгнул в карман юбки.

– А можно я буду называть тебя Эл? – спросил пушистик. – Нечто среднее между Эллен и Елена.

– Называй как хочешь, – разрешила я. – Слушай, а как вообще в этом мире относятся к магам? Я заметила, что некоторые смотрят с уважением, некоторые опасаются, а вот нейт Лейн… – я развела руками. – Кажется, он ненавидит таких, как я.

– Ну-у… вообще Эллен жаловалась, что магов многие не любят. Во-первых, потому что боятся. Чего ожидать от человека, который в любой момент может пустить огненный шар и спалить дом? Недаром в прошлые века на чародеев регулярно устраивались гонения. Во-вторых, завидуют. Магия – это сила, власть, возможности, деньги… И в-третьих, многие из них действительно не слишком порядочные люди. И маги-целители тоже, – послышался разочарованный вздох. – Нет-нет, ты не думай, не все такие! Эллен бы и мухи не обидела! Но у тех, кто не видел от магов ничего хорошего, в голове прочно засело убеждение, что магия – это опасность.

– Вот так-так…

Эти слова звучали более чем здраво. Да и на меня местные смотрели сначала настороженно, а попросили помочь роженице, наверное, от безысходности. И Горн испугался, когда я очнулась и закричала. Думал, я его прокляну?

– Если посчитают, что мало заплатили за услугу, палец о палец не ударят, – продолжил Пискун. – Даже если будут стоять над умирающим.

– Да… нехорошо это. Теперь я понимаю людей, которые магов недолюбливают, – я слушала Пискуна, шагая по улице и высматривая извозчика, который сможет меня отвезти. – Но ведь не все такие?

– Не все, – согласился Пискун. – Но паршивая овца всё стадо портит. Молодые магички иногда забавляются, привязывая мужчин к себе и делая их послушными рабами. Эллен говорила, что таким промышляли некоторые девушки в Академии на спор или потому, что мужчина не хотел быть с ними. Со временем приворотная магия ослабевала, но жизнь человека уже была разбита, и тот, с кем так жестоко поигрались, ненавидел своих пленительниц. Хоть они и были красивы, как божества. Все магички красивы, Эллен. Когда себя в зеркало увидишь, грохнешься.

Слушая рассказ Пискуна, я чувствовала, как в крови закипает гнев.

– Получается, некоторые маги заигрались, смотрели на других как на людей второго сорта? Думали, что из-за силы им всё сойдёт с рук и можно вести себя с более слабыми, как со скотом? А внешность… меня бы устроила самая обычная, которая была в земном мире.

Пискун помолчал некоторое время.

– Но ты, Эл, не расстраивайся раньше времени. Ты уже успела хорошо показать себя перед простыми людьми. Уверяю, пройдёт время, и нейт Лейн будет локти кусать, что выгнал тебя.

– Он решил, что я из таких же. Но доказывать я ничего не буду, просто буду делать своё дело.

– А тем временем Академия будет перечислять на счёт Левилльского госпиталя денежки за твою практику, – ехидно пропищал мой товарищ, как вдруг…

– Эй, стойте! Подождите! – закричала я, увидев извозчика, выруливающего с соседней улицы.

Вот те раз! Да это же мой провожатый – Горн.

Услышав знакомый голос, мужичок вздрогнул и остановился. Я ловко запрыгнула в повозку.

– Доброго утра вам! Отвезёте во вчерашнюю деревню?

– Утречка, нейра. Это в Лихую, что ли? – он улыбнулся в бороду.

М-да, ну и название. Интересно, другие деревушки так же весело называются?

– Конечно же отвезу. Я почти каждое утро в город молоко вожу. А что вы там забыли, нейра Эллен?

Я повозилась, устраиваясь поудобнее и доставая из кармана Пискуна. Синий товарищ покатался по коленям и успокоился, с любопытством поглядывая на дорогу.

– Я должна осмотреть Милли с девочкой. Как бы осложнений не было. Рожениц всегда осматривают после родов.

Горн кхекнул и подстегнул лошадку.

– Странная вы. Ни разу не видел, чтобы маги так с простым людом возились.

– А вы вообще много магов повидали?

– Да так… заезжали некоторые. Но у нас места неприглядные, а маги стараются ближе к столице обосноваться.

Ещё вопрос на мою голову. Неужели Эллен бежала сюда только из-за нежеланного замужества? Может, были ещё причины? Как разобраться в чужом прошлом?

– Наша старая повитуха толковая была, но строгая. Если помирал кто, она говорила, что на всё воля Всеотца.

Горн правил повозкой, время от времени понукая лошадь, а мы с Пискуном негромко переговаривались.

– Как вернёмся, займёмся чемоданом.

Вчера я не успела осмотреть его содержимое, слишком быстро настала ночь, а я была выжата после перемещения и экстремальных родов. Уверена, там найдётся много интересного и полезного. Книги, медицинские инструменты, волшебные зелья – у целительницы их не может не быть!

Дел невпроворот. Грэта сказала, что договорится с кузнецом, своим сватом, и тот будет ждать меня завтра утром. А к утру надо подготовить чертежи нужных на первое время инструментов.

А ещё мы с Пискуном магии собрались учиться. Вот и буду сидеть, как в студенческие годы, за учебниками, зарабатывая сколиоз и близорукость.

И если мне не придётся тратить время в вотчине нейта Лейна, я смогу открыть своё дело. В новом мире не пропаду, акушеры-гинекологи всегда нужны. Конечно, безопасней залечь на дно и не отсвечивать, не наживать врагов среди местной лекарской элиты, но такая скучная жизнь мне не по нраву.

Да и жаль бедных женщин. Некоторые в нашем мире любили говорить: «А вот раньше в поле рожали, и ничего». Я обычно отвечала: «Вас вот родили, а голову вытащить забыли. Оставили в том самом месте».

Даже в мои развитые времена женщины продолжали умирать от осложнений беременности и родов. А в полях тем более. Просто никто об этом не вспоминал, мол, ты баба, это твой священный долг. Померла? Ну, бывает…

– Знаешь, дружище, в будущем мне понадобится кабинет, где я смогу принимать всех желающих. А в идеале акушерско-фельдшерский пункт или даже больница. Но как сделать это легальным?

Пискун поцокал.

– Придётся постараться, чтобы серьёзные люди разговаривали с тобой на равных, а не видели в тебе магичку-вертихвостку, которая только Академию закончила и ничего не умеет.

– Ага, а вместо занятий на свидания бегала, – я рассмеялась.

Хорошее настроение вернулось, вытеснив неприятный осадок после разговора с Лейном. Шарики в голове закрутились со скоростью света. Мне нужен человек при власти, который меня выслушает. К кому стоит обратиться?

В мысленном блокноте добавился ещё один пунктик – сходить на приём к градоначальнику. Конечно, не исключено, что он на короткой ноге с Лейном и просто меня пошлёт, но попытка не пытка, а за спрос не бьют в нос!

Глава 4

– Я так благодарна вам, нейра. Вас послали мне не иначе как Всеотец и Пресветлая Мать, – говорила Милли, кормя малышку грудью.

Обе уже оправились после тяжёлого испытания и чувствовали себя относительно неплохо. Девочка, которой дали имя Эллен, громко кричала, требуя грудь, пачкала пелёнки и делала всё, что полагается людям её возраста. А мать старалась соблюдать мои назначения.

За исключением естественной послеродовой слабости и болей у Милли всё было хорошо – матка сокращалась под действием гормонов, а жара не наблюдалось. Но это пока лишь второй день, и упускать из виду родильницу рано.

А ещё девушка рассказала мне одну шокирующую вещь. Шокирующую современного человека, конечно, потому что для этого мира и этого времени всё было в порядке вещей.

Понимая, что ребёнок сам не родится, а счёт идёт буквально на минуты, они отправили в город за Ойзенбергом. Но не потому, что он великолепный хирург и акушер. А потому, что этот лекарь всегда отдавал предпочтение жизни ребёнка, всегда стремился спасти его, даже если для этого приходилось жертвовать жизнью матери. В этом состояла его жизненная и профессиональная философия.

– А вот нейт Брайтен… – говорила Милли побелевшими губами, и в глазах отражался ужас. – Он говорит, что жизнь матери важнее и убивает детей прямо в утробе… разрывает их стальными когтями и крючьями… – по бледному личику полились слёзы, и Милли крепче обняла спящую дочь.

Если бы я не была знакома с акушерством, я бы подумала, что она пересказывает сюжет триллера, но, увы, сказанное до боли напоминало наше земное прошлое.

Поворот плода на ножку практиковался ещё Корнелием Цельсом в первом веке нашей эры, но во времена Средневековья было утрачено, забыто или намеренно уничтожено много ценных знаний и техник.

И так продолжалось ещё долго. Наверное, до конца девятнадцатого века. Такие, как Милли и её дочь, были обречены на смерть. Самое большее, что могли сделать, это разрезать живот и извлечь живого или уже мёртвого ребёнка, чтобы произвести над ним обряд крещения. Тогда ещё не была изобретена безопасная техника кесарева сечения, и мать зачастую погибала от кровопотери или сепсиса.

– Я не хотела, чтобы он растерзал мою крошку. Я готова была умереть сама, поэтому просила позвать нейта Ойзенберга вместо нейта Брайтена.

Эта девочка была готова погибнуть, лишь бы не дать вытащить из неё ребёнка по частям. Ужас.

Вдруг закололо в висках. Вспомнился случай, открывший моё личное врачебное кладбище.

Много лет назад в мою смену поступила женщина, которая хотела родить дома. Но всё пошло не по плану, потому что у неё был клинически узкий таз и крупный плод. Она этого не знала. Её привезли спустя двое суток после излития вод. Головка плода из-за несоответствия размеров «застряла» в малом тазу, ребёнок погиб ещё до приезда в роддом.

Это была ужасная и травмирующая операция. Ещё долго снилось в кошмарах, как я с помощью инструментов пытаюсь извлечь из родовых путей это тельце.

А женщина всё равно умерла от септического шока. Обратись она раньше, всё могло сложиться иначе – так говорил разум. Мы бы успели её прокесарить. Но в глубине души я всё равно винила себя, считая, что сделала недостаточно.

В тот день я поставила два креста.

– Слушай, Милли, у вас что, совсем повитух нормальных не осталось?

– Была в Левилле школа повивальных баб, но закрылась уже давно. Они все разъехались, кто куда. Хороших осталось мало. Говорят, неправильно бабки всё делают, – Милли печально усмехнулась. – И что будущее за этой самой… за кхерургией. А мы всегда считали, что не мужское это дело… ну… роды принимать и женщине туда заглядывать.

А ведь когда в нашем мире начала стремительно развиваться хирургическая наука и врачи мужчины ринулись в акушерство, школы повивальных баб тоже закрывали, а их самих оттесняли прочь от рожениц. В особо запущенных случаях повитух клеймили ведьмами.

Всё просто – боролись с конкуренцией. По крайней мере, так было в Европе. Причём смертность у этих самых «необразованных», не кончавших университетов бабок была куда ниже, чем у светил медицины того времени.

Да, все ошибались. Даже Гиппократ. Путь развития акушерской науки умыт слезами и кровью, вымощен чудовищными ошибками и суевериями. Каждая потерянная жизнь матери или ребенка как песчинка в лестнице, уходящей вверх. Но даже в двадцать первом веке до её вершины ещё далеко.

Когда я уже успела распрощаться с Милли и пообещать заехать послезавтра, её мать привела в дом двоих смущённых женщин в положении. Кажется, они меня побаивались. Но после разговора селянки расслабились и позволили мне их осмотреть, чтобы потом спросить разрешения пригласить меня, когда придёт время рожать.

– Мы заплатим, нейра… – складывая руки на груди, говорила одна.

– А мы можем барашка подарить, вы не думайте, что мы нищие!.. – уверяла вторая.

Но я клятвенно заверила, что баран мне не нужен, лучше пусть рассказывают обо мне своим подругам и родственницам, запуская сарафанное радио. Чтобы, как только я узаконю всё это дело, окрестные женщины обо мне уже знали.

Покидая деревеньку в повозке Горна и поглаживая по спинке дремлющего Пискуна, я думала, что вляпалась куда сильней, чем могла себе представить. И теперь мне предстоит серьёзное противостояние со школой нейта Лейна. Но не сдаваться же заранее, тем более, процесс запущен.

Ещё посмотрим, чья возьмёт!

* * *

Прежде чем отвезти меня домой, Горн показал северную часть Левилля. Большую часть занимали улочки с названиями различных ремесленных гильдий – кузнечная, плотницкая, каменная, гончарная, рудная. Нетрудно было догадаться, что там располагались лавки на любой вкус и кошелёк, можно было купить или заказать мебель, оружие, инструменты и даже кое-какие магические штучки.

Ещё в этом районе расположились казармы для солдат. Всё-таки Левилль приграничный город.

– За воротами дозорные башни и речка, потом лес, а за ним Ничьи земли, которые раскинулись аж до самих гор, – старик махнул рукой, указывая вдаль. – За горами уже другое королевство, у нас с ним не очень.

Осторожно задавая вопросы, я узнала, что на этом континенте находятся четыре королевства, а забросило меня в Рэнвилль. Не лишним будет изучить географию и историю, чтобы не попасть впросак в будущем.

К тому моменту, как Горн повернул на мою улочку, городские часы пробили три часа дня. Радует, что время здесь измеряют так же, как и в нашем мире. Или просто мой разум перерабатывает информацию, подавая её в знакомой обёртке, как это было с алфавитом?

– Нейра! Кажется, вас там ждут, – окликнул меня Горн.

– Что? Снова твои беременные? – пропищал мой меховой товарищ и вскочил на плечо, а я выглянула из повозки.

Нет, это были не беременные. Вооружённые тряпками и вёдрами, на улице толпились женщины в годах – шестеро, я подсчитала. А возглавляла эту небольшую армию Грэта. Губы растянулись в улыбке. Ура! Вот и помощницы пришли.

– Она молодец, сдержала обещание, – похвалил Пискун. – Хоть кто-то уберётся в этом доме.

– Эй, ты намекаешь, что я лентяйка?

В это время мой возница обернулся и увидел Пискуна.

– Ой, а это что, крыса такая? Или хомяк? – на лице простого деревенского трудяги отразилось искреннее изумление и немое: «Эти маги совсем сбрендили, раз хомяков красят».

– Я тиин! – пискнул мой питомец оскорблённо, а Горн заохал, осенил себя знаком, отдалённо напоминающим крёстное знамение, и отвернулся.

– Не злись. Ты и правда выглядишь немного непривычно, – я почесала меховое пузико, а Пискун снова шмыгнул в карман от греха подальше. Боялся, наверное, женского внимания. Учитывая его мимимишный внешний вид, это неудивительно. Это как кошки прячутся от детей под диван, так и тиины от

женщин – по карманам.

Распрощавшись с Горном у калитки, я сунула ему в кулак медную монетку, хоть он и отказывался. А мне не хотелось пользоваться чужой добротой и чувствовать себя обязанной.

– Мы вас заждались, нейра Эллен. Думали, не появитесь! – воскликнула Грэта, звякнув ведром.

– Я очень рада всех вас здесь видеть. Правда, мне очень приятно, что вы пришли оказать посильную помощь. Обещаю, в долгу не останусь, – ответила я, доставая из кармана ключ и проворачивая его в замке. Мои слова вызвали у женщин удивлённые переглядки, кто-то одобрительно усмехнулся.

– Я думала, вы другая, – призналась одна.

– Да-да, обычно маги смотрят на простых людей свысока. А у вас по глазам видно, что вы добрая, – добавила вторая.

– Но-но, кумушки, хватит болтать, – шикнула Грэта. – Вы не смущайтесь, нейра. Говорите, если что надо. Вы понравились нашей Анке, а она у нас всех лекарей боится, как огня. Даст Пресветлая Мать, с вашей помощью разрешится осенью.

Рожать Анке предстояло примерно в середине сентября, тогда как сейчас на дворе стояло тёплое лето. Я уже предвкушала вечерние чаепития на террасе, ягоды и фрукты – настоящие, не облитые химикатами. И, если повезёт, купание в речке…

Уже в доме мы перезнакомились и принялись за работу. Оказалось, что в несколько пар рук можно довольно быстро убрать и расхламить даже большой дом. Я не собиралась отбиваться от коллектива, но эти деловые предприимчивые женщины отправили меня вон. То есть разбирать книги.

В комнате, которую я решила приспособить под кабинет, оказался очень удобный стеллаж. Стоило лишь пыль вытереть и выбросить хлам, лежащий там уже лет десять. Тряпки, засохшие цветы, треснутые кружки… Недаром говорят, что, выбрасывая старые ненужные вещи, избавляешься от негатива и того, что

гнетёт. С каждой выметенной кучкой пыли становилось легче на душе.

Ещё не успело стемнеть, а дом уже блистал чистотой. Грэта показала мне, как надо растапливать печь и готовить в ней еду, приговаривая покровительственно:

– Вы же нейра благородная, к домашней работе не приучены. Но ничего-ничего, помогать будем, с голоду не пропадёте. У нас народ не злой. Да и лучше вам будет купить магическую печку, она маленькая и готовит быстро. Только дорогая, зараза. У богатых соседей такая, просто сказка! – она закатила глаза и прищёлкнула языком. – Вы спросите у нейта Мальтеста, он всякими волшебными штуками торгует в лавке на улице Осин.

Я согласно кивала, вдыхая аромат поспевающей каши. А если туда ароматной зелени нарезать…

Впереди ещё целый вечер и половина ночи. Перекушу как следует, а потом продолжу разборку чемодана. Сейчас он стоял в сложенном виде – Пискун показал волшебный рычажок, который вернул всё это непотребство в первоначальное состояние. Я надеялась, что внутри найдутся бумага и принадлежности для письма – нужно составить список дел важных и тех, которые могут потерпеть, потому как держать всё в голове сложно. Мысли норовили разбежаться, как испуганные тараканы.

Потом набросать эскизы инструментов, мебели и медицинской защитной одежды. Да и поговорить с Пискуном о магии и законах этого мира не повредит. Всё то время, что я расставляла книги и вытирала пыль на стеллаже, мой товарищ кратко знакомил меня с историей Рэнвилля.

– Там вам ещё крышу починить надо, кажись. Во время дождя будет подтекать, – заметила Грэта, с размаху выливая ведро воды в сад. Его тоже слегка очистили от сорной травы, и я случайно нашла там деревянный домик, предназначенный для справления естественных нужд.

В детстве у меня была фобия провалиться в уличный деревенский туалет. Кажется, пришло время о ней вспомнить. Но это всё же лучше, чем горшок.

Женщины ушли, оставив меня наедине с Пискуном. Оказалось, что тиины не нуждаются в человеческой пище, их питает свет солнца. Поэтому я с чистой совестью умяла целую тарелку каши в одиночку.

– Слушай, Пискун, я всё забываю спросить…

Синий комок перевернулся в воздухе и застыл, выжидательно глядя на меня.

– А ты мальчик или девочка?

Мой питомец тонко захихикал и шлёпнулся на стол у меня перед носом.

– Глупенькая, у тиинов нет пола.

– А как вы тогда размножаетесь? Это просто профессиональные любопытство… – стала оправдываться я. Нет, ну это и правда интересно!

Тиин вздохнул и мечтательно прикрыл глазки-бусинки.

– В моменты наивысшего счастья и радости от нас может отделиться другой малюсенький тиинчик. Но такое бывает редко, потому что тиины не испытывают таких ярких чувств и эмоций, как люди.

– То есть получается… – я почесала подбородок. – Вы размножаетесь почкованием? Ясненько…

– Эй, сама такая! – возмущённо пропищало пушистое создание.

– Ладно-ладно, не злись. Сейчас со стола уберу, а потом делом займёмся. Надо же бедной попаданке готовить себе тёплое и уютное место в этом враждебном мире!

Пискун тихо ворчал, что глупые попаданки употребляют не менее глупые слова, пока я раскрывала чемодан. На этот раз я не вздрагивала, не прыгала и не визжала от неожиданности – привыкаю к магии потихоньку.

– Вон в тех сундуках посмотри, – пискнул тиин. – Кажется, в них Эллен хранила всякие лекарские штуковины.

Я послушалась и, перешагнув пару тюков с тряпьём, опустилась на корточки перед чемоданчиком тёмно-коричневого дерева с золотыми уголками. На крышке были выжжены буквы, сначала показавшиеся незнакомыми. Моргнув пару раз, я почувствовала, как мозг и зрение адаптируются к чужому языку.

«Прежде, чем лечить других, исцели себя…» – гласила надпись.

Тут же вспомнилось латинское крылатое выражение Cura te ipsum – «исцели себя сам». Очень верное, между прочим. Врачу важно быть здоровым душой и телом, чтобы как можно больше дать своим пациентам и не опустеть, не выгореть, не погаснуть, как испорченная лампочка.

– Так, а как открывается этот чудо-чемоданчик?

– Нужна твоя кровь, конечно, – произнёс Пискун тоном Капитана Очевидность. – А ты думала, кто попало может открывать магические шкатулки? Не-ет, дорогая моя. Видишь тот выступающий шипик? Надо уколоть им палец.

Меня непроизвольно передёрнуло. Он наверняка грязный! Интересно, в этом мире есть столбняк?

Но любопытство пересилило, и я проткнула безымянный палец маленькой металлической занозой, которая располагалась в узоре замка. Послышался щелчок, потом второй, и лекарская шкатулка раскрылась, являя миру своё нутро.

Как я и подозревала, вместимостью она напоминала чемодан. В стороны выехали дополнительные отделения с ящичками, с двойным и тройным дном, а в них…

– Вау! – я не сдержала восхищённого вздоха. Сейчас я наиболее остро ощутила, что попала именно в магический мир, полный чудес. И это компенсировало отсутствие технического прогресса.

В первом отделении в отдельных ячейках на подстилке из сухого мха аккуратно лежали пузырьки и склянки с пожелтевшими этикетками и деревянными пробками. Некоторые были запечатаны сургучом и ни разу не использовались. Жидкости переливались, искрились, клубились и меняли цвет, какие-то были совершенно тёмными, но чутьё подсказывало – именно там находятся самые сильнодействующие зелья.

Были в склянках и порошки – я даже не пыталась угадать, из чего они сделаны. Наверняка толчёные зубы василисков или высушенный помёт магических тварей.

Двумя пальцами я взяла один пузырёк и посмотрела его на просвет.

– Ты там поосторожней, подруга, – тиин подлетел сзади и запрыгнул на плечо. – Неохота снова без хозяйки остаться. Кстати, где-то здесь должен быть справочник по зельям.

– Да, я видела, когда расставляла книги. Слушай, что здесь написано? Так мелко… – я сощурилась и прочитала: – Настойка корня сердечника?

– Ты у нас целитель, ты и думай, – ответил тиин, хихикнув.

Да уж, предстоит выучить целую кучу незнакомых названий. Но выучить это полбеды, главное научиться их использовать.

Ладно, поглядим, что ещё у нас здесь есть. Я потянула за миниатюрную ручку, выдвигая ящичек… На синем бархате лежали ланцеты, предки современных скальпелей – брюшистые, остроконечные, ампутационные ножи и хирургические ножницы. Наточенные и отполированные до блеска, в целом неплохие, только немного устаревшие.

– Кстати, совершенно новые! Эллен ни разу ими не пользовалась, – жизнерадостно сообщил мой дружок. – Но ты-то обновишь? Когда мы уже кого-нибудь разрежем?

– Эй, сплюнь!.. Да не на меня же, дурилка! Я не хочу никого резать, пока у меня нет для этого подходящих условий. Где я буду это делать? На кухонном столе с

ассистентом в твоём лице?

Видимо, мой строгий тон возымел действие, и пушистый комок поник. Глазки заблестели так, будто тиин сейчас расплачется.

– Прости, Эл.

– Ладно, это ты прости, – смягчилась я. – Иногда я бываю строгой. Что поделать, профессия накладывает отпечаток.

Бережно закрыв ящичек, выдвинула следующий…

А там… ёлки-палки, да это же настоящее сокровище! Два стетоскопа – акушерский деревянный с двумя раструбами, и обычный в виде короткой трубки.

Я повертела их в руках, рассмотрела со всех сторон, отмечая странные клейма. Вот то, без чего не обойдётся ни один врач. И сердцебиение плода выслушать, и тоны сердца, и лёгкие. Когда-то лекари нашего мира пытались распознать звуки, прикладывая к груди или животу ухо, пока Рене Лаэннек не догадался свернуть в трубку листы бумаги, чтобы не прижиматься к груди молодой дамы и не смущать бедняжку. Разве мог он заранее знать, что это приведёт к изобретению столь полезного инструмента?

– Ну всё. Теперь я с вами не расстанусь, – прошептала себе под нос. Буду ходить на приёмы только со стетоскопами. Если местные их не видели ни разу, то мне это только на руку – будут говорить, мол, магичка волшебными штуками пользуется, колдует!

– Какая-то ты подозрительно довольная, – Пискун уселся на край раструба. – Как будто клад нашла.

– Это и есть клад, мой пушистый друг. А ну-ка, что у нас вот здесь?

Я открыла следующий ящик. Металлический блеск, плавные изгибы, цепочка…

Что это? Неужели то, о чём я думаю?

Я покрутила в руках чудо-инструмент. Да, это и вправду похоже на акушерские щипцы, только на их устаревшую версию. Они выглядели как две неперекрещивающиеся ложки на цепочке и были абсолютно нефизиологичными.

– Это что ещё за инструмент? – поинтересовался Пискун. – Эллен его ни разу не использовала.

– Не удивительно. Им можно нанести больше вреда, чем пользы, – я пощёлкала металлическими ложками и положила на место. – По идее эта штука должна помочь младенцу родиться.

Если верить истории, акушерские щипцы были придуманы ещё древними греками, но в тёмные века о них благополучно забыли, как и о большинстве открытий Античности. А что? Помер ребёнок или мать? На всё воля Божья. Или повитуха – ведьма – виновата.

– Брр, жуть какая! – поёжился пушистой комок. – Я даже представить не могу, как надо ими пользоваться. Я бы сбежал на месте рожающей женщины, если бы такую страсть увидел.

Ну, на самом деле в эпоху Возрождения акушерские щипцы стали палочкой-выручалочкой, спасшей множество жизней. Это в современной медицине их применение почти сошло на нет, ведь у нас есть прекрасно отработанная техника кесарева сечения. А тогда секрет этого изобретения очень долго хранился семьёй шотландских врачей и был продан за баснословные деньги. Кстати, их щипцы были куда лучше тех, что я только что держала в руках.

– Я был вместе с Эллен, когда она училась вместе с другими магичками роды принимать, но ничего такого не было, – Пискун настороженно помолчал. – Эл, только не говори мне, что ими надо…

Я кивнула.

– Ага. При наличии показаний щипцами обхватывают головку младенца и вытаскивают его наружу.

Ультразвуковой писк прорезал комнату и взвился под потолок. Пискун заметался туда-сюда, как отпущенный воздушный шарик.

– Ужас какой! Мамочки! Да разве ж можно так издеваться?! Аа-а!..

У меня ушло несколько минут на то, чтобы успокоить истерящее создание. А говорил, что не испытывает ярких эмоций…

– Да перестань ты орать. Никто не будет выдёргивать младенца, как морковку с грядки, – пояснила я терпеливо. – Все манипуляции выполняются аккуратно и бережно, мы имитируем естественный родовой процесс.

– Всё равно жуть!

– Ладно, я тебе наглядно всё продемонстрирую, если выпадет случай. Только шипцы, конечно, надо усовершенствовать. Надеюсь, местные мастера мне в этом помогут.

Осматривая чемоданчик, я обнаружила ещё несколько инструментов неизвестного назначения. Что ж, надеюсь, их описание удастся найти в книгах. Вещи из чемодана потихоньку переезжали на полки и в шкафы, превращая старый и мрачный дом в милое гнёздышко одинокой магички.

В одной из коробок я нашла прекрасно сохранившийся череп, который я водрузила на подоконник в своём кабинете. Если когда-нибудь наберусь наглости и смелости и вздумаю открыть свою лекарскую школу, то буду использовать его, как учебное пособие. Здесь просто идеальные височные кости со всеми их впадинами, возвышениями и отверстиями для сосудов и нервов. Ох и плакали мы на зачётах, когда пытались их вспомнить!

– Бедный Йорик! Я знал его, Горацио… – цитировала я строки известной трагедии.

– Эл, ты с ума сошла, – твердил Пискун, наблюдая за мной. – Все попаданки такие?

Безобидно пререкаясь, мы приводили в порядок скромное жилище. У Эллен оказалось много нарядов. Простые горожане одевались так же просто, по-рабочему, а вещи магички были щегольскими и даже немного… провокационными. Понятно, почему на меня все так пялились, а Лейн счёл пустоголовой кокеткой!

Глубокие вырезы блуз украшали ленты и кружева. Юбки с высокой талией застёгивались на ряд маленьких пуговичек или стягивались ремешками, делая фигуру похожей на песочные часы. Было в гардеробе несколько платьев поскромней – с глухим воротом и длинным рукавом.

– Магичкам по статусу так положено одеваться, – пояснял мой товарищ. – Чтобы сразу было видно, кто перед тобой. А ещё только им… то есть вам дозволено ходить простоволосыми.

Такой гривой трясти? Да ну. Это ведь неудобно. Я бы постриглась, но здесь этого не поймут. И жаль волосы шикарные, у меня таких отродясь не было.

– Хорошо, что колпаки и мантии в звёздочку не положено носить, – бормотала я, убирая всё это добро в шкаф. – Ой, а это что такое?

Открыв одну из коробок, я обнаружила там… зеркало! Самое настоящее, в тяжёлой дубовой раме. Аккуратно поставив его на полку, я наконец заглянула в глаза новой себе.

Эллен была красивой. Пискун сказал, что это влияние магии, она скрывает недостатки. Кожа гладкая, на щеках нежный румянец. Брови тёмные и красиво изогнутые, нос прямой, губы в меру пухлые, скулы высокие. Внешность яркая, как будто даже «отфотошопленная».

Было бы мне лет двадцать – двадцать пять, я бы запищала от восторга. Но сейчас я видела не просто симпатичную мордашку, а… проблемную мордашку. Недаром красивых женщин раньше считали ведьмами и жгли на кострах. Во все времена делали им непристойные предложения и считали ходячими куклами. Наличие мозга у них отрицалось.

– Ну, чего скисла? – Пискун спланировал мне на плечо и уселся там, как пиратский попугай. – Я же говорил, что моя хозяйка красивой была. Мужчинам

она нравилась, – и подмигнул хитренько.

– В этом мире я собираюсь рассчитывать только на себя. Или ты ещё не понял? Да и твоя хозяйка, кажется, от навязанного брака в эту глухомань сбежала.

– Ой, ладно-ладно, не ворчи, – пушистый болтун завозился, устраиваясь поудобнее.

Вечер уступил место ночи, на небе загорелись первые звёзды. Я разожгла магические светильники и укуталась в плед – в доме стало свежо. Из окон потянуло прохладой и влагой, во дворе выпала роса.

В чудо-чемодане было ещё много всякой всячины. Особенно меня порадовала бумага. Да, она была зернистой и желтоватой, а вместо ручек – писчие перья и чернила. Испоганив неуклюжими попытками целые лист, я на время оставила затею научиться писать пером и взяла большие толстые карандаши, которые тоже мазались. Но так хоть у меня был шанс нарисовать эскизы для мастеров, к которым я собиралась наведаться завтра.

Только вот художник из меня очень не очень. Как изобразить нормальные и современные акушерские щипцы и гинекологические зеркала, не прибегая к подробным рассказам и объяснениям? Ну не представляла я, как буду рассказывать местным мужчинам, что это за штуки и куда их надо вставлять.

Глава 5

Второе по счёту утро в новом мире не порадовало. Во-первых, ночью пошёл дождь – протекла крыша, и я проснулась в мокрой кровати. Во-вторых, я легла поздно и страшно не выспалась. Да ещё и сны такие странные снились, слишком реалистичные. Как будто я была Эллен и жила её жизнью, видела её глазами, буквально срослась с чужой личностью. В-третьих, я облажалась. Отыскала на кузнечной улице свата Грэты, рослого мускулистого кузнеца с устрашающими клешнями в руках, а он, глянув на мои эскизы, заявил:

– Нейра, вообще-то вам не ко мне.

И тон такой, каким обычно разговаривают с несмышлёным ребёнком.

– То есть как это не к вам? – удивилась я.

– Вам к литейщику надо. Я этим не занимаюсь, – и развёл руками, показывая, что здесь он бессилен.

Шагая по брусчатке в неудобных туфлях, я мысленно болтала с Пискуном, который снова принял облик браслета. Ночью он пытался обменяться со мной мыслеобразами, чтобы при помощи магии нарисовать идеальные эскизы, но у нас ничего не вышло. Тренироваться надо было больше, я решила не сдаваться и, если есть хоть малейший шанс, то выбить себе попаданческую плюшку в виде магии.

– Откуда же я, дитя двадцать первого века, могла знать, что кузнец мне не поможет? Я кузнецов до этого только в фильмах видела.

– Эх ты, попаданка, – пожурил Пискун. – Нянчайся теперь с тобой, как с младенцем.

– А ты-то! Мог и подсказать, что мне нужен литейщик.

– Как будто я знал. Если бы знал, то подсказал бы, – разобиделся тиин и замолчал.

Наконец, в бесконечном лабиринте узких улочек, изобилующих лавками всех мастей, я нашла нужную. На вывеске значилось: «Мастерская нейта Луйса».

Колокольчик над дверью возвестил о моём приходе. Внутри стоял лёгкий полумрак, пахло металлической пылью, но полы были чисто вымыты, а на полках громоздились предметы неизвестного назначения.

– Нейра, вы ко мне? – из неприметной дверцы выглянул мужчина лет пятидесяти, небольшого роста с седыми растрёпанными бакенбардами. На ходу снимая замасленные рукавицы и передник, окинул меня настороженным взглядом.

– Доброго дня. Вы угадали, уважаемый нейт. Я к вам.

Кузнец по секрету рассказал, что у этого мастера в роду были маги и сам он унаследовал небольшой дар, который помогал ему в ремесле. Что ж, будет хорошо, если это так.

– Чем могу помочь? – вынув из кармана круглые очки с толстыми стёклами, водрузил их себе на переносицу.

Я достала из сумки листы с чертежами и образец акушерских щипцов из чемодана Эллен.

– О, это что-то интересное, – мастер разложил листы на столе и принялся их перебирать. – Можно поинтересоваться, вы целительница?

Я представилась, не забыв добавить, что окончила столичную Магичемкую Академию и приехала в Левилль попрактиковаться в лекарском искусстве. Слушая, мужчина одобрительно кивал.

– Вы уж извините, я нарисовала как смогла…

– Это ничего, – твёрдо заявил нейт Луйс. – Из специального воска я изготовлю образцы, вы их осмотрите, и мы вместе сможем их откорректировать. Только после этого я помещу формы в печь и отолью из металла.

А потом хитро подмигнул:

– Во мне тоже течёт магическая кровь, поэтому мои изделия лучшие в Левилле.

После такого заявления я прямо-таки восстала духом и смогла искренне улыбнуться.

– Да-да, будьте так добры. Вы меня очень выручите, дорогой мастер Луйс. Назовите, пожалуйста, цену своей работы.

Литейщик снова перебрал листы, посчитал и произнёс:

– Пятьсот двадцать восемь серебряных соренов. А вот за такими иглами, – ткнул мозолистым пальцем в один из эскизов, – вам лучше обратиться к ювелиру. Это слишком тонкая работа, а у мастера Кройса руки золотые.

Я мысленно подсчитала свои финансы, доставшиеся в наследство от хозяйки моего тела… Да, не густо. Надо бы поэкономней, а то неизвестно, сколько денег у меня останется после визита к мастерам и когда я начну зарабатывать законным способом, а не из-под полы. Проблемы с законом – это последнее, что мне сейчас нужно. А на вопрос, положена ли мне какая-то стипендия от Академии, Пискун только пропищал что-то невразумительное. Надо бы в местный банк наведаться.

– Я не буду брать с вас задаток, нейра Эллен. Чувствую, что вы ответственная магичка и хороший клиент. Мы с вами сработаемся.

Должно быть, он нечасто встречал здесь магов и обрадовался «сестре по разуму». Нейт Луйс сказал прийти для проверки образцов послезавтра утром, и я, поблагодарив его, с чистой совестью покинула лавку.

Скоро, скоро у меня на руках будут привычные инструменты, а волшебный медицинский ларец пополнят зеркала, тазомер, акушерские щипцы, хирургические ножницы, несколько видов пинцетов и зажимов, кюретки, зонды и расширители. Из медицинского набора Эллен мне понравились только скальпели и стетоскопы, остальное было уж слишком устаревшим и небезопасным.

– Хороший дядечка, он мне понравился, – пропищал браслет у меня в голове.

– Это он просто не знает, что никакая я не магичка. По крайней мере – пока.

Мой меховой помощник рассказал, что Эллен могла обезболивать и останавливать несильные кровотечения при помощи чар. Но в общем и целом магия в этом мире не была волшебной таблеткой от всего. Люди так же болели и умирали, и мгновенно срастить перелом или, поводив руками, заставить затянуться смертельную рану было под силу разве что седобородым магистрам.

С каждой минутой ясное летнее утро набирало силу, пахло недавним дождём и листвой, смешанной с тонким ароматом цветов. Солнце ласково согревало лицо

и открытую шею, скакало зайчиками по поверхности воды в маленьком фонтане. Желудок напомнил, что сегодня я, вообще-то, не завтракала, и буквально силой заставил купить кусок сырного пирога прямо из печи.

По пути мне попалась лавка сапожника – приятного мужчины средних лет, который, почуяв денежную клиентку, обслужил меня быстро и вежливо. Снял мерки и взял задаток за туфли на плоской подошве, чтобы было удобно бегать в них по городу. Обещал изготовить обновку через несколько дней, что меня вполне устроило. Кажется, моё намерение экономить летит в трубу… А впереди визит к ювелиру и швее.

– Надо бы ещё нанять человека, чтобы крышу залатал, – сказала я Пискуну, едва не хватаясь за голову. Траты! Сколько трат! – А то просыпаться в мокрой постели неприятно даже младенцу.

– Мужика нам в дом надо, – ехидно хихикнула пушистая морда. – Хорошего, с руками из плеч. Он и содержать будет.

– Это на каких таких правах нам мужика к себе взять, а? – нахмурилась я, поглядев на браслет.

– На правах мужа, конечно. Каждая девушка мечтает выйти замуж, – всё тем же противным голосочком произнёс Пискун.

– Если у меня будут деньги, я смогу нанять хоть кровельщика, хоть сантехника. Знай плати, и нет проблем.

– А как же любовь и романтика? Эллен говорила как-то, что ей хочется любви…

– Ой, спасибо. Я больше не верю в любовь. Не думаю, что встречу кого-то в этом мире, тем более, я уже давно превратилась в кусок ржаного сухарика.

Тиин залился пронзительным смехом, приняв мои слова за шутку. А мне было не до смеха.

Попристававв к прохожим, я выяснила, что банк находится буквально в нескольких кварталах. Удача! Утренняя прогулка получается не только

бодрящей, но и полезной. Шагая по улочке, мы с Пискуном продолжали переговариваться, и я посвящала его в свои хитрые планы.

– Думаю, со временем надо будет объединиться с оставшимися в городе и его окрестностях повитухами. Не могли же они всех разогнать? А вдруг бабы толковые? Скооперируюсь с ними, перейму их опыт, а они мой. Молодняк подучу…

– Где ты берёшь все эти идеи, Эл? Не перестаю удивляться. Вот что значит другой мир и другое мышление.

– Как у нас говорят, хочешь жить, умей вертеться. Да и в нашем мире медицина шагнула далеко вперёд, поэтому умалчивать о знаниях нечестно. Если смогу помочь хотя бы десятку человек, уже будет хорошо.

Но, как бы я ни настраивала себя на позитив, то и дело проскальзывали отрезвляющие мыслишки. Этот мир совсем другой, время другое, где люди искренне верят в свои заблуждения и будут до последнего их защищать. Но попытка не пытка, правда?

За легкомысленной болтовнёй и шутками Пискуна я не заметила, как добралась до банка. Трёхэтажное серое здание с уклоном в готику смотрелось чужеродно в уютном Левилле и всем своим видом намекало, что здесь простым смертным и скромным работягам делать нечего. Тут крутятся большие деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sonya-marey_/popadanka-v-dele-ili-vash-lyubimyy-doktor

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити